

КВАНТИТАТИВНАЯ ИСТОРИЯ

QUANTITATIVE HISTORY

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ СТАТИСТИКИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

(на примере Харьковской губернии)

METHODS OF VERIFICATIONS OF STATISTICS CONCERNING
THE OLD BELIEF OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 19th —
EARLY 20th CENTURIES (the case of Kharkiv province)

Еремеев Павел Викторович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Восточной Европы исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, старший научный сотрудник Музея истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
E-mail: eremeev-pavel-v@mail.ru

Pavlo Yermieiev

Рассматривается проблема достоверности статистики старообрядчества Российской империи. Доказывается некорректность ранее применяемых методов проверки данных официального учета староверов Российской империи. Предлагаются и на материалах Харьковской губернии апробируются новые пути выяснения численности тайных старообрядцев. С помощью регрессионного и когортного анализов доказывается, что масштабы приуменьшения численности старообрядцев в Харьковской губернии были меньшими, чем в ряде центральных регионов России.

Ключевые слова: старообрядчество, статистика, когортный анализ, регрессионный анализ, Харьковская губерния.

The article deals with the problem of accurate statistics of Old Belief in the Russian Empire. The falsity of the previous verification methods for the statistics concerning the Old Belief of the Russian Empire is proved. The new methods for the calculation of the number of the secret Old Believers are proposed and evaluated on the materials of Kharkov province. With the help of the cohort and regression analysis it was proved that the scale of underestimating of Old Believers' quantity in Kharkiv province was less than that in a number of central Russian provinces.

Keywords: Old Belief, statistics, cohort analysis, regression analysis, Kharkiv province.

Проблема достоверности статистики старообрядчества Российской империи остается одной из наиболее дискуссионных в историографии староверия. На рубеже XIX–XX вв. известный исследователь русского религиозного диссидентства А. С. Пругавин издал статью с характерным названием «Два миллиона или же двадцать миллионов?», имея в виду существовавший в то время разброс в оценках численности старообрядцев и сектантов России¹. Прошло более ста лет, и уже в наше время авторитетный историк церкви И. П. Пярт сознательно повторила данное название в своей статье². Исследовательницей было показано, каким образом через практики статистического описания религиозного диссидентства России происходило конструирование социального пространства империи. При этом вопрос о масштабах распространения старообрядчества в России И. П. Пярт охарактеризовала как неразрешимый³.

На сегодняшний день практически ни у кого из исследователей не вызывает сомнения факт наличия в Российской империи значительного количества тайных старообрядцев, которые в материалах официальной статистики были зарегистрированы как православные. Феномен сокрытия веры старообрядцами носил сложный характер и был вызван к жизни несколькими причинами⁴. Во-первых, многие старообрядцы были вынуждены скрывать свою веру в связи с государственным давлением на религиозное диссидентство. Во-вторых, поскольку в Российской империи до 1905 г. выход из Русской православной церкви (РПЦ) был запрещен, старообрядец, однажды зарегистрированный как член господствующей церкви, не мог быть снова «записан в раскол», даже если желал этого. В-третьих, чиновники и священники РПЦ, ответственные за учет староверов, нередко сознательно приуменьшали данные об их численности, желая продемонстрировать вышестоящим инстанциям свои успехи в борьбе с религиозной оппозицией.

Однако нерешённым остается вопрос о том, какую долю составляли тайные староверы среди всех старообрядцев Российской империи, в какой мере официальная статистика староверия приуменьшала масштабы распространения данного религиозного течения.

Принципиальные различия в оценках численности староверов Российской империи существенно осложняют понимание места старообрядчества в конфессиональной структуре населения России и одновременно создают почву для спекуляций. Так, О. Л. Шахназаров, опираясь, среди прочего, на максимальные оценки численности старообрядцев, в статье «Большевизм и старообрядчество», опубликованной в журнале «Вопросы истории», на-

зывает староверов основной движущей силой революционных событий в России 1917 г. А после революции старообрядцы, по мнению О. Л. Шахназарова, получили огромное влияние на государство. «Им (большевикам) удавалось только то, что отвечало устремлениям старообрядчества, но не удавалось то, что этим устремлением не отвечало», — пишет автор⁵. А. В. Пыжиков, основываясь на идее о более чем десятикратном приуменьшении численности староверов в материалах официальной статистики Российской империи, утверждает, что история России может быть прочитана «сквозь призму старообрядческого фактора»⁶.

Нерешенность вопроса о численности старообрядцев России периода империи выводит исследователя и на ряд других проблем. В частности, остается открытым вопрос: как влияли изменения государственной политики в отношении старообрядчества на реальную численность данной религиозной группы? Были ли практики сокрытия веры действенным механизмом адаптации старообрядцев в условиях государственных репрессий? В какой мере они обеспечивали сохранение староверия?

В данной статье предпринята попытка рассмотреть предлагавшиеся до сих пор методы оценки достоверности статистических данных о старообрядчестве Российской империи, оценить корректность их применения, а также на примере Харьковской (до 1835 г. — Слободско-Украинской) губернии показать возможности новых подходов к оценке численности староверов России.

Выбор границ отдельной губернии в качестве территориальных рамок исследования обусловлен тем, что, с одной стороны, при генерализации статистических данных о старообрядцах на губернском уровне начинает действовать закон больших чисел, вследствие чего частично сглаживаются неточности исходных сведений, а также их неопределенность, связанная с огромной вариабельностью по отдельным селениям и т. д. С другой стороны, подобный масштаб позволяет не упустить из виду особенности учета староверов на уровне конкретных уездов и общин, попытаться понять, действительно ли в нашем случае наблюдаемые при взгляде «снизу» случайности являются таковыми, не стала ли получаемая при общей генерализации картина общегубернской ситуации лишь научной абстракцией, оторванной от реальной жизни⁷.

Хронологически исследование ограничено 1825–1917 гг. Выбор нижней хронологической границы обусловлен тем, что именно с 1825 г., после прихода к власти императора Николая I, полицейский учет староверов России стал регулярным, увеличилось внимание высших государственных

чиновников к проблеме регистрации религиозных диссидентов⁸. Кроме того, в 1824 г. в состав Слободско-Украинской губернии был возвращен Старобельский уезд, после чего административные границы региона не менялись до конца исследуемого периода. Выбор верхней хронологической границы обусловлен кардинальными общественно-политическими изменениями, произошедшими в 1917 г.

В Российской империи учет старообрядцев велся как представителями духовенства, так и светскими органами власти. С начала XVIII в. приходские священники составляли так называемые исповедные росписи, в которых, среди прочего, была специальная графа для учета лиц, «не исповедавшихся по расколу»⁹. На основе исповедных данных губернские духовные консистории составляли экстракты, направлявшиеся в Святейший Синод (копии сохранялись в архивах консисторий)¹⁰. Данные исповедного учета староверов отражались и в клировых ведомостях, причём проведенное нами сравнение информации о численности старообрядцев в клировых и исповедных ведомостях показало ее тождественность.

Регулярный административно-полицейский учет старообрядцев начал осуществляться с середины 1820-х гг.¹¹ На низовом уровне сбором информации о старообрядцах занималась местная полиция (с конца 1830-х до начала 1860-х гг. учет религиозных диссидентов, принадлежавших к сословию государственных крестьян, осуществлялся органами Министерства государственных имуществ)¹². Учет староверов должен быть проведен «с секретностью, чтобы всякое действие по этому поводу не могло дойти до сведения старообрядцев и раскольников»¹³. Сведения собирались «от членов, избираемых на различные общественные должности, и от приходских священников»¹⁴. Однако на Харьковщине информация местной полиции редко совпадала с данными, указываемыми в исповедных росписях. Это дает основание сделать вывод, что административно-полицейский и приходской учет старообрядцев осуществлялись независимо. Собранные полицией статистические данные о старообрядцах концентрировались в руках харьковского полицмейстера, городских и земских судов, которые составляли местные ведомости и направляли их к губернатору. Тот, в свою очередь, должен был составлять губернскую ведомость и подавать ее в Санкт-Петербург на имя императора (копия оставалась в канцелярии губернатора). Одновременно статистические сведения о религиозных диссидентах указывались в ежегодных отчетах гражданских губернаторов¹⁵. При этом следует отметить, что в отличие от исповедной регистрации, губернский полицейский

учет не распространялся на старообрядцев, проживающих в военных поселениях¹⁶.

Дополнительную информацию о численности старообрядческого населения Слобожанщины содержат ведомости, составленные в 1853 и 1854 гг. в Канцелярии харьковского губернатора по его требованию. Эти сведения составлялись по особой форме, в которой более четко отделялись единоверцы (молившиеся по старым обрядам, но входившие в состав РПЦ) и старообрядцы, считавшие господствующую церковь еретической.

Материалы административно-полицейского и исповедного учета старообрядцев Харьковской губернии сохранились в основном для периода с 1825 по 1865 г. Изменения количественных характеристик старообрядческого населения региона во второй половине XIX — начале XX в. могут быть прослежены по данным Харьковского губернского статистического комитета, который регулярно собирал информацию о конфессиональном составе населения Харьковщины и публиковал ее в «Харьковских календарях» (до конца 1860-х гг. — «Памятные книжки Харьковской губернии»)¹⁷. Правда, в изданиях статистического комитета, как правило, публиковались данные о религиозном диссидентстве в целом, без его разделения на старообрядцев и сектантов. Однако до распространения в Харьковской губернии штундизма староверы составляли абсолютное большинство среди религиозных диссидентов региона. Например, в 1884 г. старообрядцы составляли 98 % всех официально зарегистрированных в Харьковском календаре религиозных диссидентов (5539 чел. из 5660)¹⁸, в 1892 — 96 % (5773 чел. из 6022)¹⁹. Поэтому выявленная на основе материалов Харьковских календарей динамика численности раскольников отражает прежде всего процессы, происходившие в старообрядчестве. Только в 1893 г. численность официально зарегистрированных штундистов (337 чел.) стала достаточно большой, чтобы существенно влиять на статистическую картину религиозного диссидентства Харьковщины²⁰.

Статистические данные о религиозном диссидентстве в течение второй половины XIX — начала XX в. регулярно собирали миссионеры РПЦ, причём эта информация на уровне консистории также обобщалась²¹. В миссионерских отчетах четко разделялись старообрядцы и представители других направлений религиозного диссидентства, нередко указывалось, к каким согласиям принадлежали старообрядцы тех или иных поселений.

Важную статистическую информацию о старообрядцах и других религиозных диссидентах Харьковской губернии содержат опубликованные материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г.²² Наконец, в 1912 г. статистическим комите-

том МВД было проведено специальное исследование численности старообрядцев путем сверки данных гражданской и церковной статистики²³.

Таким образом, сведения о численности старообрядцев в период с 1825 по 1917 г. нашли отражение в различных источниках. Вопрос о степени их достоверности стал серьезно обсуждаться с середины XIX в. Тогда же стали предлагаться методики более точной оценки численности последователей «старой веры». Рассмотрим, в какой мере эти методы позволяли уточнить численность старообрядцев.

В начале 1850-х г. министр внутренних дел Л. А. Перовский предоставил императору особую записку о расколе, в которой акцентировал внимание на несоответствии данных исповедного и административно-полицейского учетов реальной картине распространения старообрядчества в России. В частности, Л. А. Перовский указывал, что в начале правления Николая I в России официально было зарегистрировано 827 тысяч старообрядцев. Затем по официальным данным в течение 25 лет в православие и единоверие перешло более миллиона староверов. Однако по сведениям МВД в 1851 г. их было около 750 тыс. чел.²⁴. Таким образом, недостоверность материалов официальной статистики старообрядчества становилась очевидной.

Николай I поручил Л. А. Перовскому негласно собрать более точные сведения о численности раскольников, первоначально в отдельных губерниях. С этой целью в 1852 г. были осуществлены специальные статистические экспедиции в Костромскую, Нижегородскую и Ярославскую губернии²⁵. Единой методики сбора сведений выработано не было, руководители экспедиций действовали исходя из собственных представлений. Так, И. С. Синицин, руководившей экспедицией в Ярославскую губернию, признаком раскола считал домашнее употребление лестовок, подручников, ручных кадилниц и прочих предметов культа, характерных для староверия. П. И. Мельников, руководитель Нижегородской экспедиции, считал раскольниками всех тех, кто не был на исповеди в течение длительного времени «по нерадению» и «по опущению». При этом он считал необходимым к полученной таким образом численности предполагаемых раскольников прибавлять определенный процент от количества лиц, не исповедовавшихся «по малолетству» (процент определялся в соответствии с неофициальными сведениями местных властей, помещиков и влиятельных старообрядцев)²⁶.

В результате работы экспедиций были сделаны выводы, что в официальных отчетах реальная численность старообрядцев Костромской губернии была приуменьшена в пять раз, Нижегородской — в 8,5, а Ярославской — в 37 раз²⁷.

В 1853 г. при министре внутренних дел Д. Г. Бибикове было запланировано комплексное изучение религиозного диссидентства еще в 35 губерниях²⁸. В девяти губерниях исследования проводились специально назначенными чиновниками МВД, в остальных — местными генерал-губернаторами и губернаторами. Параллельно аналогичная работа проводилась епархиальными архиереями. В целом, в ходе этих исследований были подтверждены выводы экспедиций 1852 г. о том, что содержащиеся в материалах исповедного и административно-полицейского учета сведения о численности старообрядцев многократно приуменьшены²⁹.

Опираясь на данные, полученные в ходе экспедиций (прежде всего тех, которые были проведены в 1852 г.), государственные чиновники И. П. Липранди и П. И. Мельников стали доказывать, что в среднем по России реальная численность старообрядцев в материалах исповедного и полицейского учетов приуменьшена примерно в десять раз, и составляет около 9–10 млн чел.³⁰

Действительный статский советник А. Б. фон Бушен в «Статистических таблицах Российской империи» соглашался с тезисом о десятикратном приуменьшении численности старообрядцев в материалах официальной статистики (см.: Варадинов, статистические таблицы). При этом методику оценки численности старообрядцев, примененную П. И. Мельниковым в Нижегородской губернии, он использовал для анализа данных по всей империи. Пытаясь приблизительно определить численность староверов Российской империи, А. Б. фон Бушен причислял к расколу всех не исповедавшихся по нерадению, а также исповедавшихся, но не причастившихся. Кроме того, А. Б. фон Бушен, не приводя доказательств, утверждал, что около 10% не исповедующихся «по малолетству» и «по разным уважительным причинам» также принадлежат к расколу. Исходя из вышеприведенных размышлений фон Бушен оценивает численность раскольников России (не считая мистических сект) в 7–8 млн чел. При этом фон Бушен отмечает, что в это число не входят представители Спасова согласия, численность последователей которого П. И. Мельников оценивал в два миллиона.

Вывод о многократном приуменьшении численности староверов в материалах официальной статистики получил широкое распространение в дореволюционных исследованиях староверия. Народник И. И. Юзов экстраполировал данные П. И. Мельникова на конец 1870-х гг. с учетом естественного прироста населения и произвольно определен масштаба перехода православных в старообрядчество. Таким образом, он пришёл к выводу, что к 1878 г. в Российской империи насчитывалось около 13–14 млн религиозных дис-

сидентов, из которых 11 млн. — собственно старообрядцев³¹. А. С. Пругавин, в свою очередь, экстраполировал данные И. И. Юзова на конец XIX в., указывая в качестве вероятной численности старообрядцев и сектантов 20 млн чел. (при этом А. С. Пругавин не пытался определить соотношение численности старообрядцев и сектантов)³². А известный исследователь старообрядчества и сектантства, большевик и один из ближайших соратников В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич в докладе «Раскол и сектантство в России», подготовленном для второго съезда РСДРП, высказывал мнение, что даже расчеты А. С. Пругавина приуменьшены. По мнению В. Д. Бонч-Бруевича, в начале XX в. в России только старообрядцев насчитывалось более 20 млн.³³

В целом, основанный на рассуждениях И. П. Липранди и П. И. Мельникова тезис о более чем десятиmillionной численности староверов России господствовал как в работах светских чиновников второй половины XIX — начала XX в., так и трудах исследователей народнического, либерального, марксистского, старообрядческого направлений изучения религиозного диссидентства. Во многом это было связано с тем, что данный вывод прекрасно вписывался в различные общественно-политические концепции, существовавшие в Российской империи данного периода³⁴. Этот же вывод поддерживают и некоторые современные исследователи, в частности, уже упоминавшийся в начале данной статьи А. В. Пыжиков.

В то же время уже во второй половине XIX в. выводы И. П. Липранди и П. И. Мельникова были подвергнуты обоснованной критике со стороны миссионеров РПЦ. Признавая, что административно-полицейские и исповедные данные о численности староверов приуменьшены, они при этом резко критиковали тезис о более чем десятиmillionной численности старообрядцев России, считая это явным преувеличением³⁵. Их критика не утратила своего значения и сейчас. Миссионеры справедливо указывали на некорректность предпринятой И. П. Липранди и П. И. Мельниковым экстраполяции на всю империю сведений, полученных во время статистических экспедиций в центральные российские губернии. Ведь экспедиции осуществлялись именно в те регионы, где распространённость староверия была наибольшей. Кроме того, достоверность результатов самих экспедиций вызвала серьезные сомнения. У членов экспедиций не было единой методики оценки численности старообрядцев, исследователи действовали каждый по-своему³⁶. П. И. Мельников, будучи руководителем Нижегородской экспедиции, относил к старообрядцам всех лиц, не бывших на исповеди (а фон Бушен распространял эти рассуждения на всю Рос-

сию). Однако, как справедливо отмечал игумен Павел Леднёв, во многих местностях России существовало убеждение, что молодому человеку следует воздерживаться от причастия, поскольку в молодом возрасте трудно достойно подготовиться к таинству евхаристии. Кроме того, многие крестьяне не причащались в своих приходах в связи с отлучками на работы и промыслы. Справедливой критике подвергалась и методика подсчета численности старообрядцев, примененная руководителем Ярославской экспедиции И. С. Синицыным, который признаком принадлежности к расколу считал любые проявления «народного православия», включая восьмиконечный крест, домашнее использование лестовок, подручников, ручных кадилиц и т. п.³⁷

Таким образом, сначала в ходе статистических экспедиций 1850-х гг. происходило существенное преувеличение численности старообрядцев в центральных губерниях России. А затем эти преувеличенные данные механически экстраполировались на другие регионы империи, в том числе и те, в которых «старая вера» была распространена куда меньше, чем в центре Великороссии.

При этом следует отметить, что миссионеры, справедливо раскритиковав тезис о более чем десятиmillionном староверческом населении России, не смогли предложить альтернативных методик оценки их численности. Так, игумен Павел Леднёв писал, что «официальную цифру раскольников, чтобы она соответствовала действительности, следует увеличивать не более, как втрое (а не в десять раз, как это делал П. И. Мельников. — П. Е.)»³⁸. Однако миссионер не дает никаких обоснований данного вывода, кроме туманной ссылки на сведения, приобретенные «долговременным пребыванием в расколе» (до перехода в православие Павел Леднёв был старообрядческим начётчиком).

Новую методику оценки численности тайных старообрядцев разработал советский исследователь В. Г. Карцов. В работе «Старообрядчество как форма антифеодального протеста в истории России» он предложил специальную формулу для определения численности тайных старообрядцев: $Y = O - (B + П)$, где Y — количество тайных «раскольников»; O — ревизские данные об общей численности человек, находившихся в окладе; $П$ — данные церковных сведений о количестве православных среди податного населения; B — численность официально зарегистрированных «раскольников»³⁹. Однако предпринятую В. М. Карцовым попытку нельзя считать успешной. Он не учитывал, что большинство тайных «раскольников» регистрировались в церковных источниках именно как православные, а разница между данными ревизских

и приходского учета населения объяснялась прежде всего недостатками последнего⁴⁰.

На сегодняшний день, как уже было отмечено, среди исследователей нет единой точки зрения относительно численности староверов Российской империи и ее отдельных регионов, доли тайных старообрядцев среди последователей «старой веры». Одни учёные солидаризируются с мнением И. П. Липранди, П. И. Мельникова и их последователей о более чем десятикратном приуменьшении численности старообрядцев в материалах официальной статистики, другие высказывают оценки, близкие к миссионерским⁴¹. Некоторые же специалисты вообще отрицают возможность сколь-нибудь точной оценки численности старообрядцев⁴². На локальном уровне перспективным может быть применение методики выявления тайных старообрядцев, разработанной И. М. Юркиным⁴³. Исследователем были обобщены и систематизированы признаки, которые в своей совокупности позволяют с достаточно высокой вероятностью предполагать тайную принадлежность к старообрядчеству конкретных лиц, которые официально не были записаны в «раскольнические ведомости». Однако предложенный путь является чрезвычайно трудоемким, и поэтому применение методики И. М. Юркина во всероссийском или даже региональном масштабе является крайне проблематичным.

Таким образом, методы, которые до сих пор использовались для выяснения численности тайных старообрядцев, не выдерживают серьезной критики или не могут быть применены при исследовании численности больших групп староверов. Это требует поиска новых подходов, которые позволят приблизиться к решению указанной проблемы. Перспективным методом проверки официальных статистических данных начала XX в. о численности старообрядцев известный исследователь староверия С. В. Таранец считает их сравнение с материалами советской статистики 1920-х гг. Ученый отмечает, что поскольку большевики не симпатизировали ни одной из конфессий, их нельзя заподозрить в фальсификации статистики старообрядческих согласий⁴⁴.

Конечно, переоценивать точность советской статистики старообрядчества не стоит. Как отмечают В. Л. Байдин и Л. С. Соболева, в советский период, когда религия преследовалась, статистические данные, касающиеся старообрядчества, не могли быть исчерпывающими. На материалах северорусских регионов ученые сделали вывод, что местная власть на уровне сел, поселков и городов обычно знала о существовании древлеправославных общин, однако зачастую не регистрировала их⁴⁵. Схожая ситуация имела место и при учете старо-

обрядчества Харьковщины советскими органами власти. Так, в «Сведениях о количестве религиозных общин и их членов в УССР на 1 февраля 1925 г.» по Харьков и Харьковской губернии не указывается ни одной старообрядческой общины⁴⁶, хотя на уровне конкретных населенных пунктов общины староверов в указанный период регистрировались. При этом сравнение сведений о численности членов одних и тех же старообрядческих общин за разные годы позволяет сделать вывод, что и местные данные отличались неполнотой. Так, в составленном 30 октября 1924 г. списке членов Удянской общины старообрядцев-беспоповцев значится 173 чел.⁴⁷, в списке членов той же общины, составленном 6 мая 1925 г., — 198 чел.⁴⁸ А по данным Харьковского губисполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов старообрядческая община села Уды в 1925 г. насчитывала 275 членов⁴⁹. В селе Боровая, согласно спискам религиозных общин и служителей религиозных культов, в 1924 г. насчитывалось 415 староверов⁵⁰, а в 1925 г. — 789 чел.⁵¹ При этом в 1926 г. согласно Отчету о работе административного отдела Змиевского райисполкома старообрядческая община этого села насчитывала 423 членов⁵².

Трудно представить, что численность членов древлеправославных общин Харьковщины действительно могла изменяться так быстро. Очевидно, имели место неточности регистрации старообрядцев в 1920-х гг. Тем не менее советские данные можно использовать для оценки достоверности материалов статистического учета староверов начала XX в., ведь сравнение различных источников является важным средством их проверки. Для сопоставления данных начала XX в. с советской статистической информацией следует выяснить, какой была бы численность старообрядцев в 1920-е гг. при сохранении тех тенденций роста, которые были зафиксированы в источниках начала XX в. Решение этой задачи возможно благодаря регрессионному анализу, позволяющему выявить аналитическую зависимость между изменением значений результирующего признака (в нашем случае — численности старообрядцев) под влиянием независимых величин (в нашем случае — времени)⁵³.

Сравнивая результаты, полученные на основе регрессионного анализа миссионерских данных, с материалами советской статистики, следует учитывать, что по советскому законодательству несовершеннолетние не могли быть членами религиозных общин⁵⁴. В результате списки членов старообрядческих общин могли включать только лиц, которые были не моложе 18 лет⁵⁵. Численность детей в старообрядческих семьях нетрудно установить. Исходя из материалов переписи 1897 г.

можно сделать вывод, что в конце XIX в. для старообрядцев региона был характерен традиционный тип демографического поведения. Вероятно, в 1920-е гг. ситуация в очень консервативной старообрядческой среде кардинально не изменилась. Соответственно, на 1920-е гг. можно экстраполировать данные 1897 г. о доле лиц от 0 до 19 лет среди староверов (50%)⁵⁶.

В данном исследовании было осуществлено сравнение результатов регрессионного анализа статистических сведений начала XX в. с данными 1920-х гг. о численности староверов в тех населенных пунктах Харьковского, Купянского и Изюмского округов, в которых, по советским статистическим материалам, существовали старообрядческие общины и было известно количество их членов.

Рассчитанная на основе миссионерских сведений начала XX в. вероятная численность староверов села Уды в середине 1920-х гг. оказалась почти в два раза больше данных «Списка верующих граждан религиозной общины старообрядцев-беспоповцев села Уды» от 6 мая 1925 г. Однако, если к зафиксированному 6 мая 1925 г. количеству старообрядцев добавить численность детей, вычисленную на основе данных переписи 1897 г., их общее количество почти совпадет с информацией, полученной на основе регрессионного анализа. Содержащиеся в «Списке религиозных общин и служителей религиозных культов Харьковской губернии, 1923–1925 гг.» данные о численности старообряд-

цев села Уды, наоборот, очень близки к результатам регрессионного анализа миссионерской статистики. Если же к ним прибавить количество гипотетически незафиксированных детей, они превысят результаты регрессионного анализа примерно в два раза (рис. 1–2).

Похожие результаты демонстрирует сравнение советских материалов с данными регрессионного анализа миссионерской статистики старообрядчества в селах Боровая, Коробочкино и Гурьев Казачок (рис. 3–8). В одних случаях данные регрессионного анализа совпадают с материалами советской статистики, в других — с данными, полученными при суммировании зафиксированной в 1920-х гг. численности староверов с количеством детей, оцененным на основе данных 1897 г.

Вряд ли подобное совпадение является случайным. Скорее всего, в 1920-е гг. в некоторых случаях вопреки законодательству советские органы власти в качестве староверов учитывали всех членов староверческих семей. При этом совпадение советских данных с результатами регрессионного анализа позволяет сделать вывод в пользу точности учета староверов как миссионерами начала XX в., так и советскими органами власти. По городу Чугуеву и селу Зарожному данные регрессионного анализа превышают результаты советской статистики (рис. 9–12). Существенное превышение советских данных над результатами регрессионного анализа наблюдается только в селе Лопань (рис. 12–14).

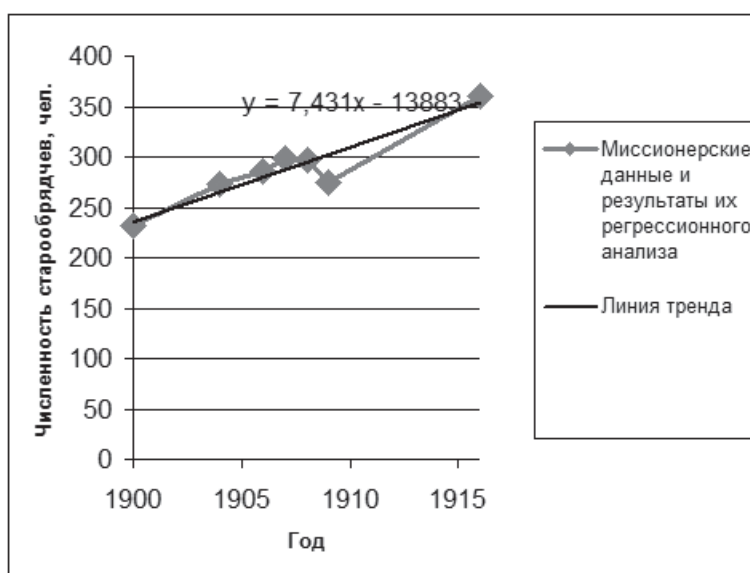

Рис. 1. Миссионерские данные о численности старообрядцев с. Уды в начале XX в. и рассчитанное на их основе уравнение теоретической линии регрессии

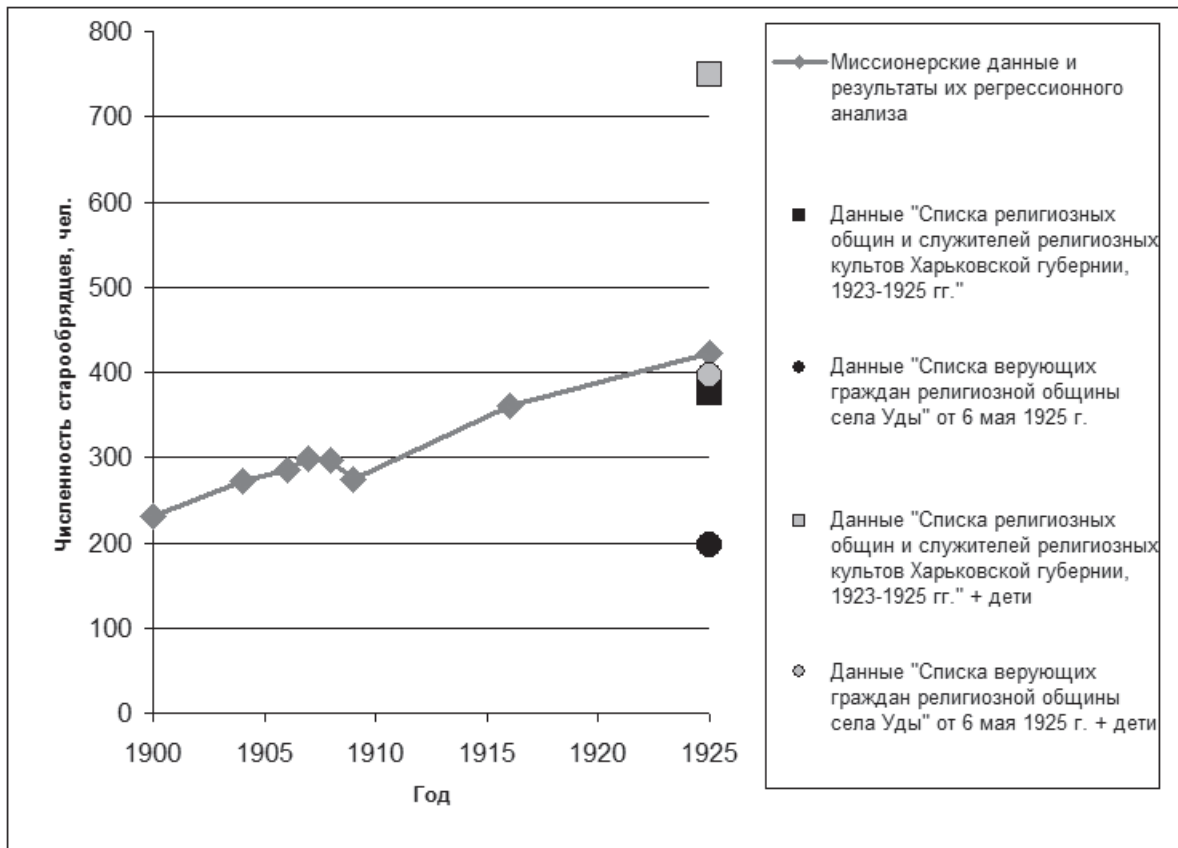

Рис. 2. Численность старообрядцев с. Уды по миссионерским сведениям начала XX в., результатам проведенного на их основе регрессионного анализа и советским данным

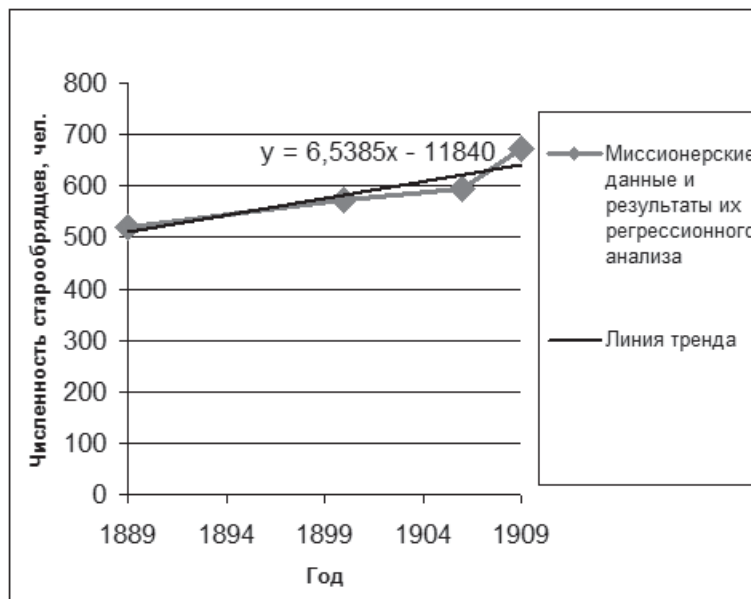

Рис. 3. Миссионерские данные о численности старообрядцев с. Боровая в начале XX в. и рассчитанное на их основе уравнение теоретической линии регрессии

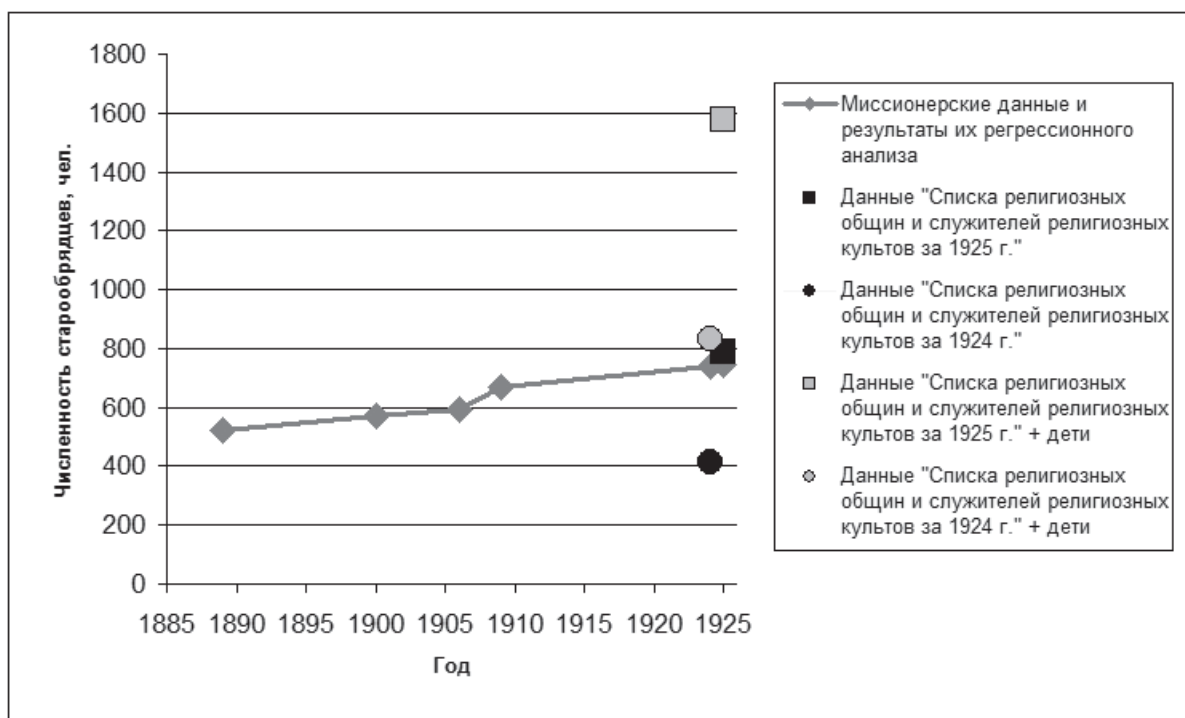

Рис. 4. Численность старообрядцев с. Боровая по миссионерским сведениям начала XX в., результатам проведенного на их основе регрессионного анализа и советским данным

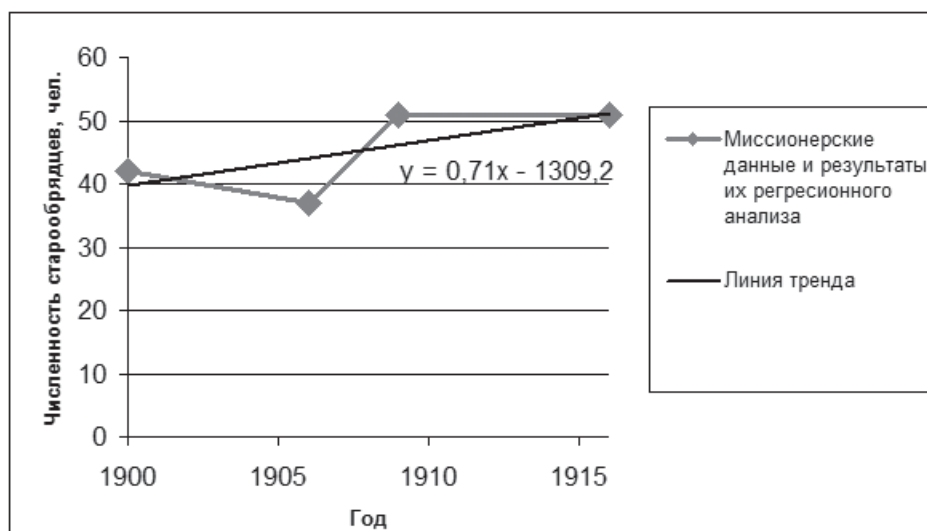

Рис. 5. Миссионерские данные о численности старообрядцев с. Коробочкино в начале XX в. и рассчитанное на их основе уравнение теоретической линии регрессии

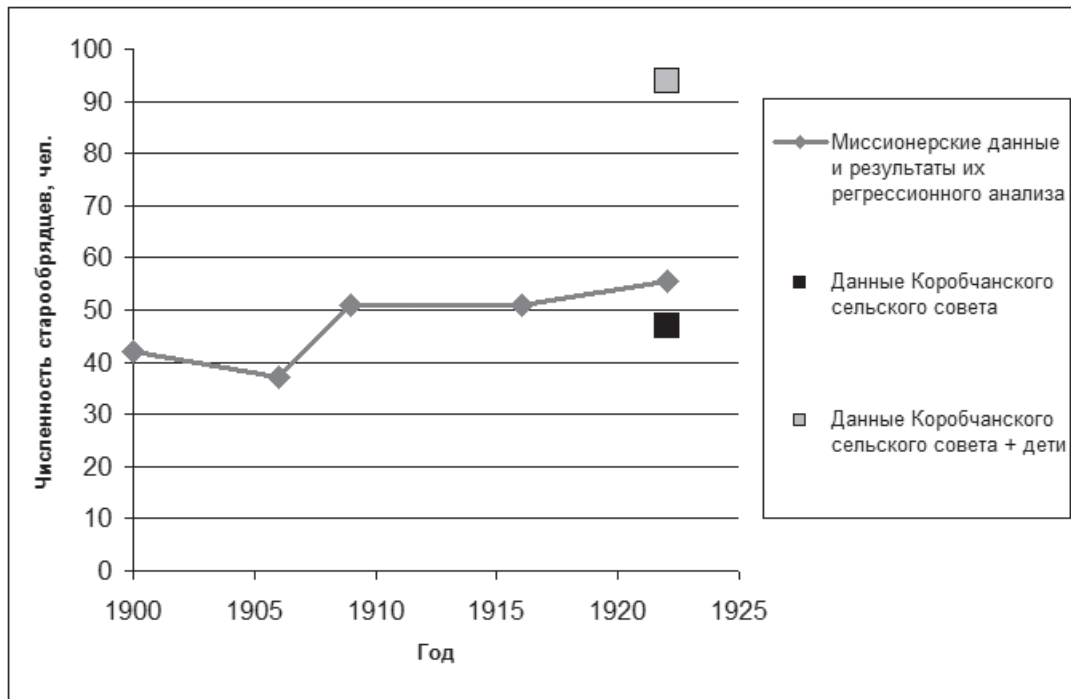

Рис. 6. Численность старообрядцев с. Коробочкино по миссионерским сведениям начала XX в., результатам проведенного на их основе регрессионного анализа и советским данным

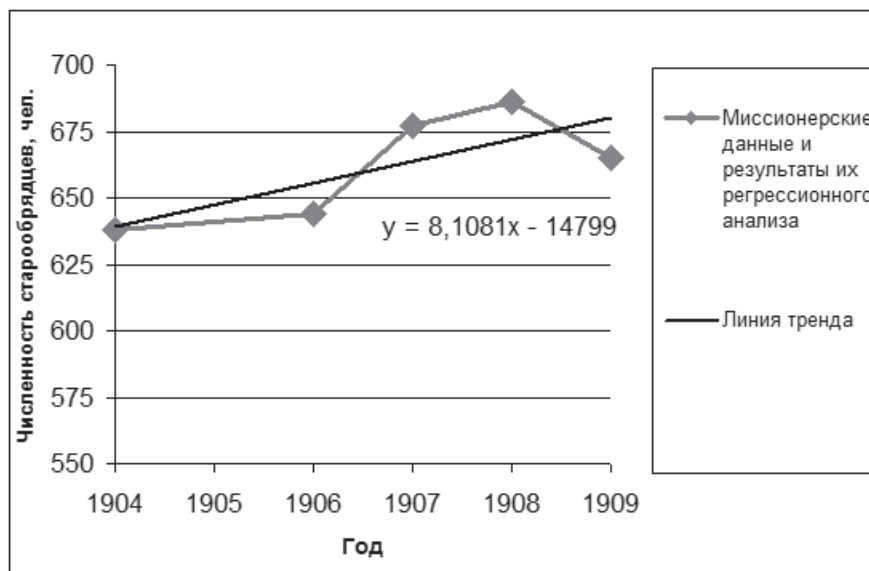

Рис. 7. Миссионерские данные о численности старообрядцев с. Гурьев Казачок в начале XX в. и рассчитанное на их основе уравнение теоретической линии регрессии

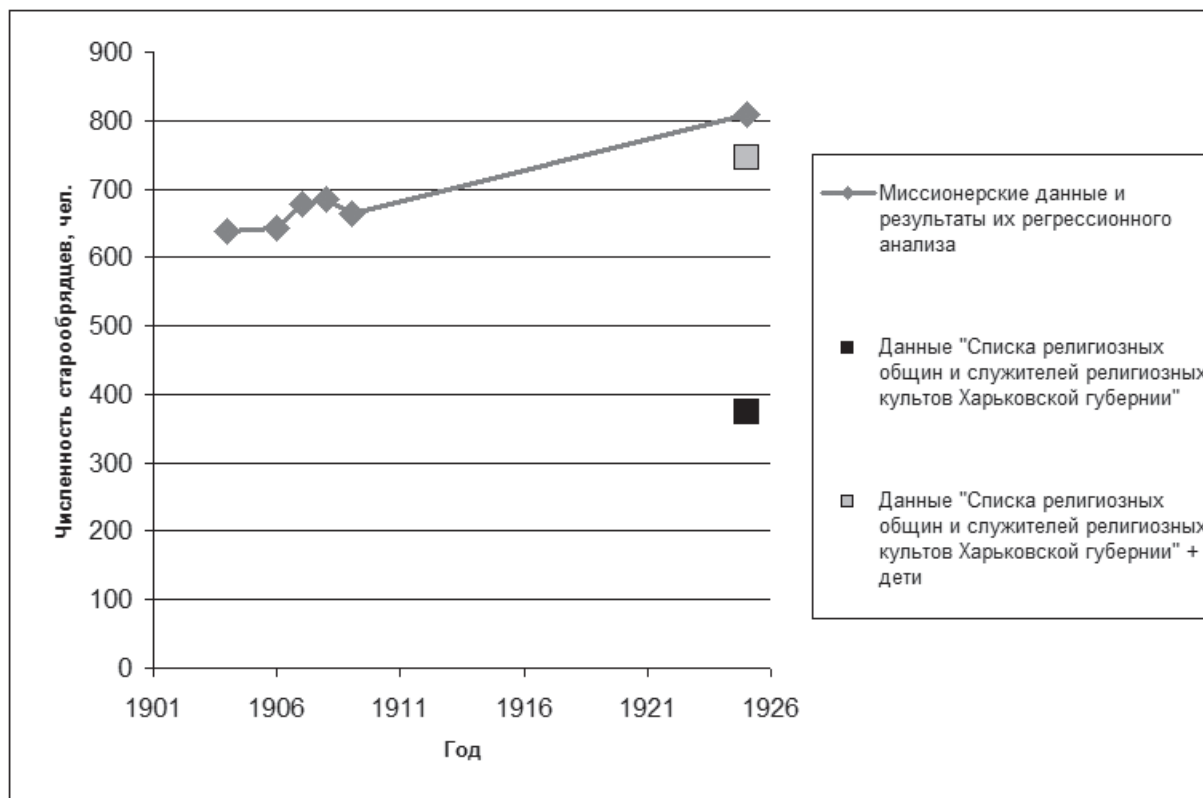

Рис. 8. Численность старообрядцев с. Гурьев Казачок по миссионерским сведениям начала XX в., результатам проведенного на их основе регрессионного анализа и советским данным

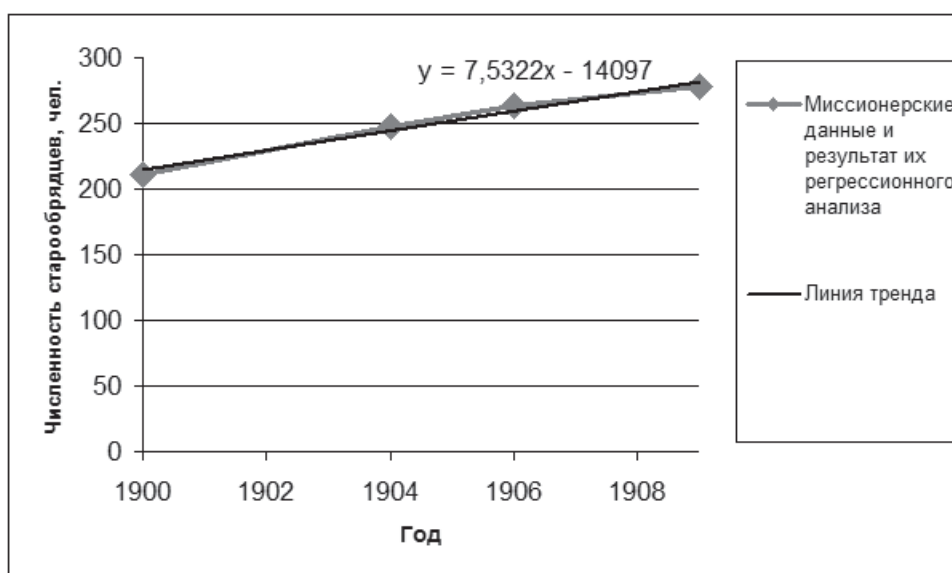

Рис. 9. Миссионерские данные о численности старообрядцев г. Чугуев в начале XX в. и рассчитанное на их основе уравнение теоретической линии регрессии

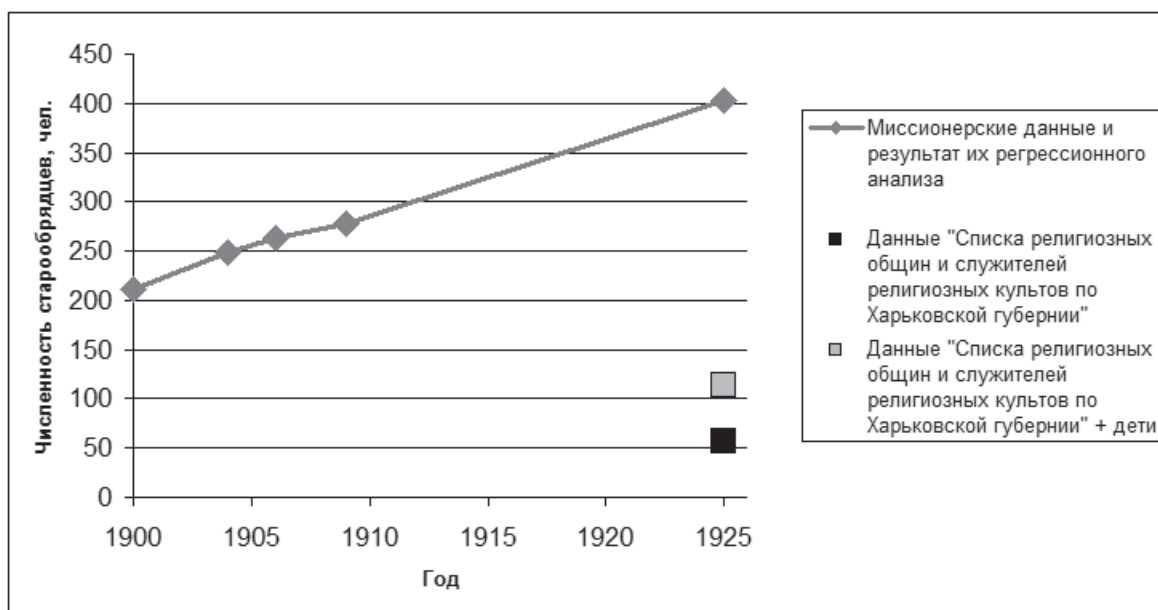

Рис. 10. Численность старообрядцев г. Чугуев по миссионерским сведениям начала XX в., результатам проведенного на их основе регрессионного анализа и советским данным

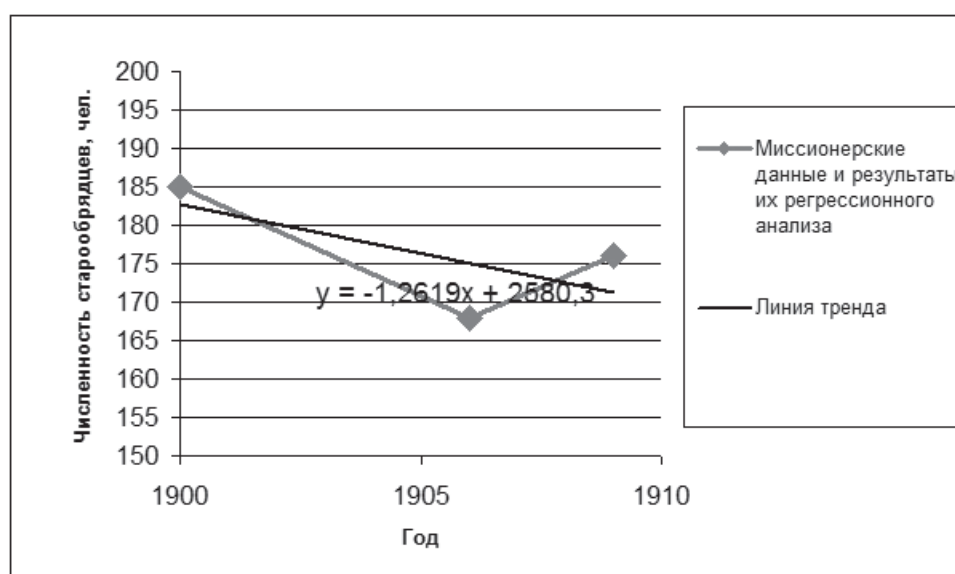

Рис. 11. Миссионерские данные о численности старообрядцев с. Зарожное в начале XX в. и рассчитанное на их основе уравнение теоретической линии регрессии

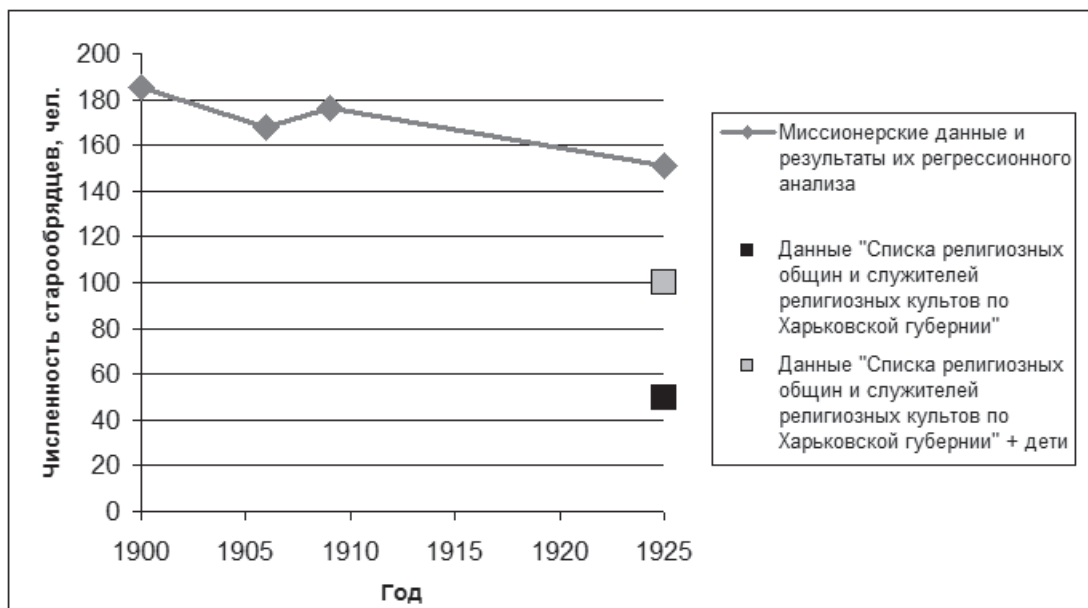

Рис. 12. Численность старообрядцев с. Зарожное по миссионерским сведениям начала XX в., результатам проведенного на их основе регрессионного анализа и советским данным

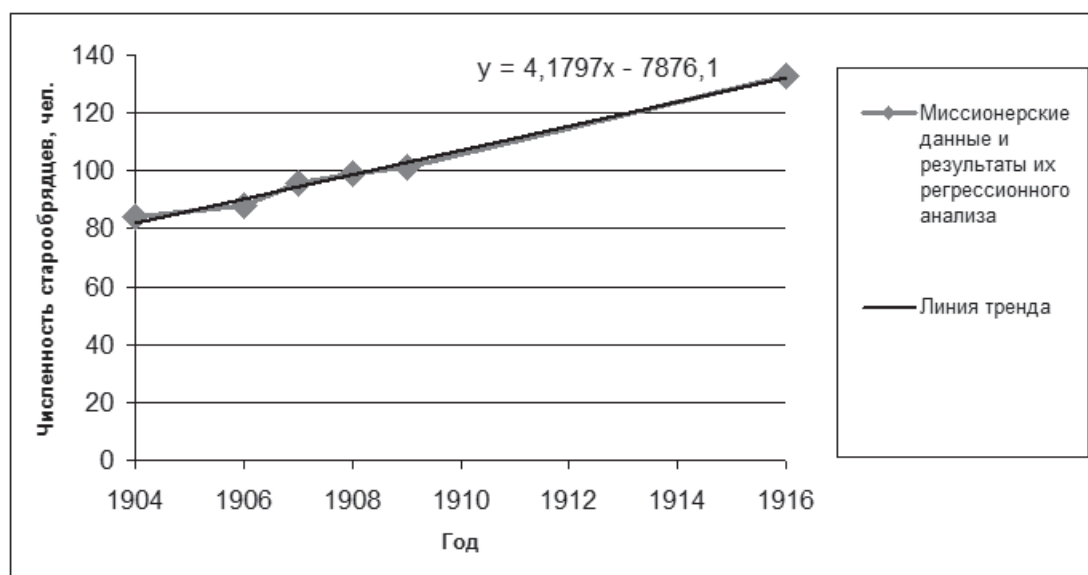

Рис. 13. Миссионерские данные о численности старообрядцев с. Лопань в начале XX в. и рассчитанное на их основе уравнение теоретической линии регрессии

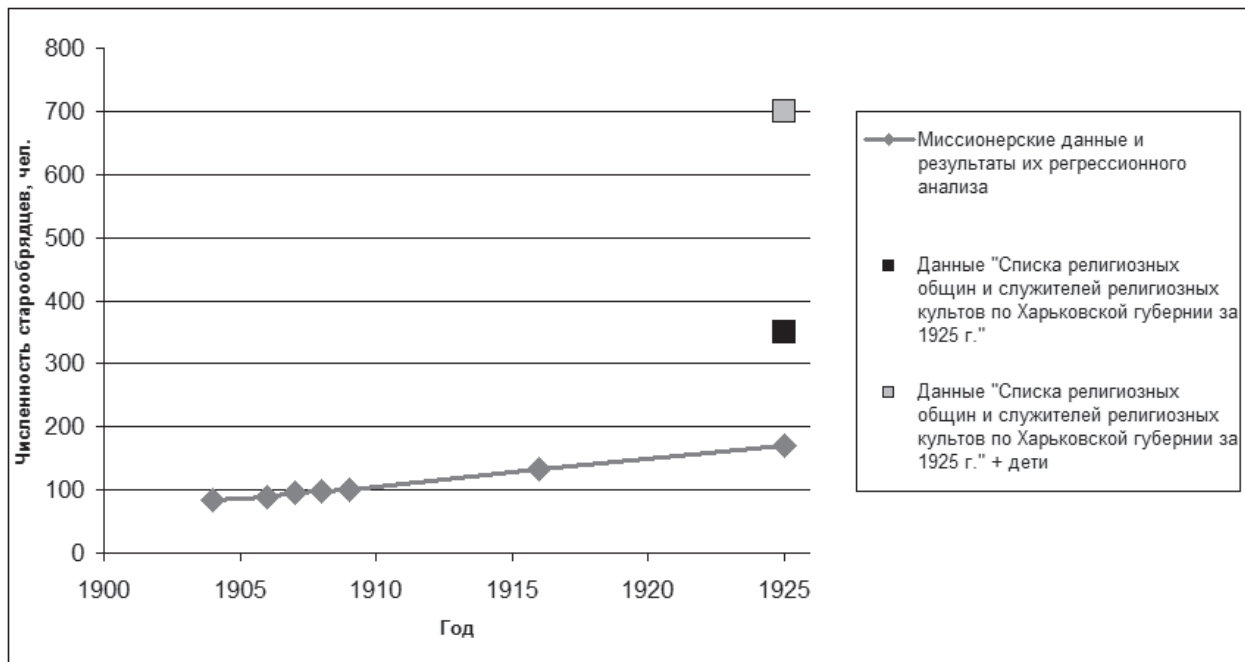

Рис. 14. Численность старообрядцев с Лопань по миссионерским сведениям начала XX в., результатам проведенного на их основе регрессионного анализа и советским данным

Полученные результаты позволяют поставить под сомнение распространенную в историографии точку зрения о более чем десятикратном уменьшении численности староверов в статистических материалах начала XX в. Ведь только по одному из населенных пунктов численность зарегистрированных в 1920-е гг. староверов существенно превышала результаты регрессионного анализа миссионерских данных. Чаще всего информация о количестве старообрядцев, полученная на основе регрессионного анализа, или очень близка к официальным советским сведениям, или превышает их. Совпадение данных свидетельствует в пользу их точности, ведь маловероятно, что масштабы уменьшения информации о численности староверов в миссионерской и советской документации могли совпасть случайно. Что же касается случаев, когда советские данные оказываются меньше результатов регрессионного анализа, очевидно, это связано с уменьшением численности верующих старообрядцев в результате атеистической пропаганды, понесенными в ходе Первой мировой и Гражданской войн потерями, несовершенством советской статистики. Соотношение этих факторов может быть темой отдельного исследования. Так или иначе, указанные факты дают основания сделать вывод, что статистика начала XX в. в Харьковской губернии была достаточно точной и в целом адекватно отражала распространенность «старой

веры» в регионе. Следовательно, количество тайных старообрядцев на Харьковщине в это время было относительно небольшим. Однако остается открытым вопрос о масштабах сокрытия веры староверами в более ранние периоды.

Для выяснения масштабов сокрытия веры старообрядцами в течение 1825–1917 гг. целесообразно применить метод когортного анализа. Способность когорты (совокупности людей, родившихся в течение некоего календарного периода) хранить в малоизменяемом виде приобретенные в определенном возрасте характеристики (в том числе и верования) позволяет использовать когортный анализ для определения величины этих характеристик в те моменты жизни поколения, в отношении которых прямые сведения об этих характеристиках не сохранились⁵⁷.

В распоряжении исследователей имеются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в которых, среди прочего, есть сведения о вероисповедании жителей Харьковской губернии по возрастным группам от 0 до 110 лет⁵⁸. Возникает вопрос, можно ли использовать эту информацию для уточнения данных полицейского, исповедного и миссионерского учета конфессиональной принадлежности населения в XIX в. Ведь на данные когортного анализа можно полагаться только в том случае, если когорта сохраняла исследуемую характеристику (в на-

шем случае — принадлежность к старообрядчеству) без значительных изменений. Имеющиеся источники по истории старообрядчества Харьковщины второй половины XIX в. дают основания для такого вывода. В течение 1860-х гг. в Харьковской губернии наблюдался довольно быстрый рост численности староверов. Однако этот рост происходил прежде всего за счет открытого перехода в свою веру тех старообрядцев, которые ранее исповедовали «старую веру» тайно⁵⁹. Что же касается активизации старообрядческой проповеди среди православных, она хоть и имела место, однако в основном была малоэффективной. Миссионерская деятельность священников РПЦ также не привела к массовым переходам из старообрядчества в православие⁶⁰. Итак, большая часть тех, кто во второй половине XIX в. официально записывались старообрядцами, а до середины 1850-х гг. числились православными, на самом деле и в первой половине столетия тайно принадлежали к «старой вере». Как правило, к вере приобщались в детстве от родителей и, как было отмечено, реально меняли ее нечасто. Смертность староверов и православных находилась примерно на одном уровне⁶¹. Исходя из этого можно с большой долей вероятности говорить, что, например, доля 60–69-летних старообрядцев среди всего населения Харьковской губернии этого возраста в 1897 г. соответствовала доле 50–59-летних в 1887 г., 40–49-летних в 1877 г. и т. д. Все это позволяет применять данные когортного анализа для реконструкции конфессионального состава населения Харьковщины.

В опубликованных материалах переписи 1897 г. среди вариантов вероисповедания указывались «старообрядцы и уклоняющиеся от православия». В данную графу, помимо староверов, включались и представители других религиозных групп, оппозиционных РПЦ. Они составляли 11 % среди зарегистрированных в переписи религиозных диссидентов (784 чел. от 7034)⁶². К сожалению, из опубликованных материалов переписи можно вычислить лишь общее соотношение старообрядцев и «уклоняющихся от православия» в конце XIX в., без деления на возрастные когорты. Экстраполировать долю «сектантов» в 1890-е гг. на более ранние периоды невозможно, ведь, в отличие от старообрядчества, так называемое сектантство во второй половине XIX в. проявляло большой динамизм. К тому же многих распространенных в конце XIX в. сект (например, толстовцев) в первой половине века просто не существовало.

Безусловно, тот факт, что сектанты в материалах переписи 1897 г. зарегистрированы вместе со старообрядцами, негативно влияет на точность данных когортного анализа. Однако учитывая, что именно староверы составляли абсолютное большинство среди тех, кого в материалах Всерос-

сийской переписи регистрировали в графе «старообрядцы и уклоняющиеся от православия», материалы ретроспективного анализа этих данных можно использовать для приблизительной оценки распространенности старообрядчества в 1825–1917 гг. и сравнения полученных результатов с данными официальной статистики того времени. Кроме того, не стоит забывать, что когда речь идет о проверке статистики старообрядчества, на точность в пределах нескольких процентов рассчитывать нельзя. Как было отмечено выше, вопрос стоит о возможности многократного приуменьшения численности староверов. И для проверки популярных среди исследователей идей о таком приуменьшении вполне можно пренебречь 11 % сектантов, «затесавшимися» в одну графу со староверами.

Еще одной проблемой является оценка масштабов приуменьшения численности старообрядцев в самих материалах переписи 1897 г. Ведь использовать эти данные имеет смысл только в случае, если они точнее результатов полицейского и церковного учетов отражают распространённость «старой веры» в Харьковском регионе. Известный исследователь старообрядчества А. С. Пругавин ставил под сомнение какую-либо ценность материалов переписи 1897 г. для выяснения масштабов распространения религиозного диссидентства в Российской империи и ее отдельных регионах⁶³. Конечно, как отмечалось выше, основанная на выводах П. И. Мельникова критика А. С. Пругавиным данных переписи крайне ангажирована и основана прежде всего на некритическом восприятии результатов статистических экспедиций середины XIX в. Д. Дэроу указывает, что масштабы приуменьшения численности старообрядцев в материалах переписи 1897 г. были не столь значительными, как в период жестких противостарообрядческих репрессий эпохи Николая I⁶⁴. Но все-таки во второй половине XIX в. дискриминация старообрядцев продолжалась, несмотря на некоторые послабления. В этих условиях староверы могли сознательно скрывать свою веру. Следует учитывать, что в ходе переписи информация о вероисповедании собиралась на основе личных показаний опрашиваемых, причем форма вопроса позволяла староверам скрыть свои истинные религиозные взгляды, формально не отказываясь от веры. Назвавшись православным, старовер не шел против своей совести, ведь старообрядцы считали себя истинными православными, в отличие от представителей РПЦ — «никониан».

Были и другие факторы, ставившие под сомнение достоверность результатов переписи относительно численности староверов. Известны случаи, когда регистраторы (часто священники) сознательно преуменьшали численность старообряд-

цев во время переписи с целью показать «старую веру» как совокупность разрозненных маргинальных сект⁶⁵. Кроме того, среди части старообрядцев перепись вызвала всплеск апокалиптических ожиданий, что вызывало их сознательное уклонение от участия в переписи⁶⁶ (хотя для Харьковской губернии это не было характерным явлением, поскольку здесь преобладали умеренные согласия — Белокриницкое и Поморское).

Итак, феномен сокрытия веры староверами имел место и в конце XIX в., во время проведения переписи. Однако были ли его масштабы существенно меньшими, чем, например, в период жестких противостарообрядческих репрессий эпохи Николая I? Может ли проведенный на основе данных 1897 г. когортный анализ дать более точное представление об относительной динамике численности тайных староверов (увеличении или уменьшении их количества) и позволить примерно оценить их абсолютную численность?

Для проверки предложенного метода необходимо посмотреть, работает ли он при исследовании численности тайных староверов в тех местностях, в которых большие масштабы сокрытия веры старообрядцам зафиксированы другими источниками. По Харьковской губернии о масштабах возможного приуменьшения численности старообрядцев в материалах официальной статистики мы можем говорить лишь гипотетически. Однако, как отмечалось выше, в середине XIX в. в несколько губерний Российской империи были направлены специальные экспедиции, целью которых было выяснение действительного количества раскольников. И хотя в ходе экспедиций преувеличивалась численность

тайных староверов, не вызывает сомнений общая оценка масштабов приуменьшения их количества как очень серьезных. Даже игумен Павел Прусский, который критиковал результаты статистических экспедиций середины XIX в., признавал, что в центральных губерниях Великороссии реальная численность старообрядцев в материалах официального учета приуменьшена в несколько раз⁶⁷.

Эти выводы можно использовать для проверки целесообразности использования когортного анализа данных переписи 1897 г. для оценки масштабов сокрытия веры старообрядцами. Если полученная на основе когортного анализа информация о численности староверов центральных губерний Российской империи будет близка к данным официальной статистики первой половины XIX в. (заниженных в несколько раз), это будет свидетельствовать о неточности переписи 1897 г. И наоборот, если результаты основанного на данных переписи ретроспективного когортного анализа численности старообрядцев окажутся значительно большими, чем данные учета первой половины XIX в., это будет свидетельствовать о возможности использования результатов переписи 1897 г. для ретроспективной оценки численности староверов в первой половине XIX в.

Нами был проведен когортный анализ численности старообрядцев Нижегородской, Костромской и Ярославской губерний (именно в эти три губернии были направлены первые статистические экспедиции). Его результаты оказались ближе к результатам статистических экспедиций середины XIX в., чем к материалам официального учета первой половины XIX в. (табл. 1–4).

Таблица 1

Распространение старообрядчества в Нижегородской губернии в 1797–1897 гг. по результатам когортного анализа данных переписи 1897 г., %

Возрастная группа	Годы										
	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817	1807	1797
0–9 лет	5,22	5,06	5,07	5,28	5,82	6,45	7,97	9,11	10,09	12,23	10,47
10–19 лет	5,06	5,07	5,28	5,82	6,45	7,97	9,11	10,09	12,23	10,47	12,23
20–29 лет	5,07	5,28	5,82	6,45	7,97	9,11	10,09	12,23	10,47	12,53	13,42
30–39 лет	5,28	5,82	6,45	7,97	9,11	10,09	12,23	10,47	12,74	13,69	14,65
40–49 лет	5,82	6,45	7,97	9,11	10,09	12,23	10,47	12,82	13,81	14,80	15,78
50–59 лет	6,45	7,97	9,11	10,09	12,23	10,47	12,77	13,74	14,71	15,67	16,64
60–69 лет	7,97	9,11	10,09	12,23	10,47	12,41	13,22	14,03	14,85	15,66	16,47
70–79 лет	9,11	10,09	12,23	10,47	12,03	12,65	13,27	13,90	14,52	15,14	15,76
80–89 лет	10,09	12,23	10,47	11,31	11,50	11,69	11,88	12,07	12,26	12,45	12,64
90–99 лет	12,23	10,47	8,71	6,95	5,19	3,43	1,67	0,00	0,00	0,00	0,00
100–109 лет	10,47	10,47	10,47	10,47	10,47	10,47	10,47	10,47	10,47	10,47	10,47
В целом	5,77	6,16	6,76	7,48	8,29	9,25	10,30	11,26	12,20	13,05	13,48

Таблица 2

Распространение старообрядчества в Костромской губернии в 1797–1897 гг. по результатам когортного анализа данных переписи 1897 г., %

Возрастная группа	Годы										
	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817	1807	1797
0–9 лет	2,61	2,67	2,68	2,82	2,95	3,19	3,71	3,97	4,91	4,88	5,63
10–19 лет	2,67	2,68	2,82	2,95	3,19	3,71	3,97	4,91	4,88	5,63	5,61
20–29 лет	2,68	2,82	2,95	3,19	3,71	3,97	4,91	4,88	5,63	5,75	6,13
30–39 лет	2,82	2,95	3,19	3,71	3,97	4,91	4,88	5,63	5,87	6,28	6,70
40–49 лет	2,95	3,19	3,71	3,97	4,91	4,88	5,63	5,98	6,43	6,88	7,33
50–59 лет	3,19	3,71	3,97	4,91	4,88	5,63	6,05	6,52	7,00	7,47	7,95
60–69 лет	3,71	3,97	4,91	4,88	5,63	6,05	6,52	7,00	7,47	7,95	8,42
70–79 лет	3,97	4,91	4,88	5,63	6,09	6,58	7,08	7,57	8,07	8,56	9,06
80–89 лет	4,91	4,88	5,63	5,86	6,22	6,58	6,94	7,30	7,66	8,02	8,38
90–99 лет	4,88	5,63	6,38	7,13	7,88	8,63	9,38	10,13	10,88	11,63	12,38
100–109 лет	5,63	5,63	5,63	5,63	5,63	5,63	5,63	5,63	5,63	5,63	5,63
В целом	2,81	2,98	3,20	3,49	3,83	4,24	4,69	5,14	5,62	5,96	6,37

Таблица 3

Распространение старообрядчества в Ярославской губернии в 1797–1897 гг. по результатам когортного анализа данных переписи 1897 г., %

Возрастная группа	Годы										
	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817	1807	1797
0–9 лет	0,32	0,42	0,48	0,59	1,05	1,71	2,78	3,95	4,87	5,54	8,47
10–19 лет	0,42	0,48	0,59	1,05	1,71	2,78	3,95	4,87	5,54	8,47	7,62
20–29 лет	0,48	0,59	1,05	1,71	2,78	3,95	4,87	5,54	8,47	8,00	8,94
30–39 лет	0,59	1,05	1,71	2,78	3,95	4,87	5,54	8,47	8,35	9,40	10,45
40–49 лет	1,05	1,71	2,78	3,95	4,87	5,54	8,47	8,63	9,77	10,91	12,06
50–59 лет	1,71	2,78	3,95	4,87	5,54	8,47	8,85	10,08	11,31	12,54	13,77
60–69 лет	2,78	3,95	4,87	5,54	8,47	9,01	10,31	11,61	12,90	14,20	15,50
70–79 лет	3,95	4,87	5,54	8,47	9,27	10,69	12,11	13,53	14,96	16,38	17,80
80–89 лет	4,87	5,54	8,47	9,89	11,69	13,49	15,29	17,09	18,89	20,69	22,49
90–99 лет	5,54	8,47	11,40	14,33	17,26	20,19	23,12	26,05	28,98	31,91	34,84
100–109 лет	8,47	8,47	8,47	8,47	8,47	8,47	8,47	8,47	8,47	8,47	8,47
В целом	1,89	2,61	3,45	4,55	5,82	7,09	8,38	9,62	10,85	12,10	13,33

Таблица 4

Численность раскольников Ярославской, Нижегородской и Костромской губерний в начале 1850-х гг. по данным полицейского учета, ретроспективного анализа и статистических экспедиций

Показатель	Губерния		
	Ярославская	Нижегородская	Костромская
Общая численность населения, чел.	943400	1126500	1020600
Численность старообрядцев по данным статистических экспедиций 1852 г., чел.	278417	172500	105572
Численность старообрядцев в начале 1850-х гг. по данным полиции, чел.	7454	23295	19870
Численность старообрядцев по данным когортного анализа, чел.	66845	104214	43275
Численность тайных старообрядцев (разница между данными когортного анализа и полицейского учета), чел.	59391	80919	23405
Доля тайных старооверов в старообрядческом населении, %	89	78	54

Это позволяет сделать вывод, что данные переписи 1897 г. и, соответственно, основанные на них результаты когортного анализа существенно превосходят по точности материалы учета официально зарегистрированных старообрядцев. Как видим на примере Нижегородской, Ярославской и Костромской губерний, при значительном (в несколько раз) приуменьшении численности старообрядцев в данных государственной статистики середины XIX в., это отражалось в разнице официальных данных и результатов ретросказания. Таким образом, предлагаемая методика позволяет судить о динамике численности тайных староверов в XIX в.

Когортный анализ данных переписи 1897 г. в отношении религиозных диссидентов Харьковщины позволяет сделать вывод, что в течение исследуемого периода доля старообрядцев в населении региона почти не изменялась, колеблясь от 0,28 до 0,29% (табл. 5). При этом исходя из данных об общей численности жителей Харьковской губернии и результатов когортного анализа можно установить абсолютную численность старообрядцев и сравнить ее с официальными данными (рис. 15). Разница между данными когортного анализа и официального учета староверов позволяет судить о численности тайных староверов.

Таблица 5

Распространение старообрядчества в Харьковской губернии в 1797–1917 гг. по результатам когортного анализа данных переписи 1897 г., %

Возрастная группа	Годы											
	1917	1907	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817	1807
0–9 лет	0,28	0,28	0,29	0,28	0,28	0,28	0,30	0,30	0,26	0,27	0,32	0,27
10–19 лет	0,28	0,28	0,28	0,28	0,28	0,30	0,30	0,26	0,27	0,32	0,27	0,29
20–29 лет	0,29	0,29	0,28	0,28	0,30	0,30	0,26	0,27	0,32	0,27	0,29	0,29
30–39 лет	0,28	0,28	0,28	0,30	0,30	0,26	0,27	0,32	0,27	0,28	0,28	0,28
40–49 лет	0,29	0,29	0,30	0,30	0,26	0,27	0,32	0,27	0,28	0,28	0,27	0,27
50–59 лет	0,28	0,28	0,30	0,26	0,27	0,32	0,27	0,28	0,28	0,28	0,28	0,28
60–69 лет	0,25	0,26	0,26	0,27	0,32	0,27	0,30	0,31	0,32	0,32	0,33	0,34
70–79 лет	0,29	0,29	0,27	0,32	0,27	0,29	0,29	0,29	0,29	0,29	0,29	0,29
80–89 лет	0,42	0,37	0,32	0,27	0,22	0,17	0,12	0,07	0,02	0,00	0,00	0,00
90–99 лет			0,27									0,27
100–109 лет	0,28	0,28	0,29	0,28	0,28	0,29	0,29	0,28	0,28	0,28	0,29	0,28

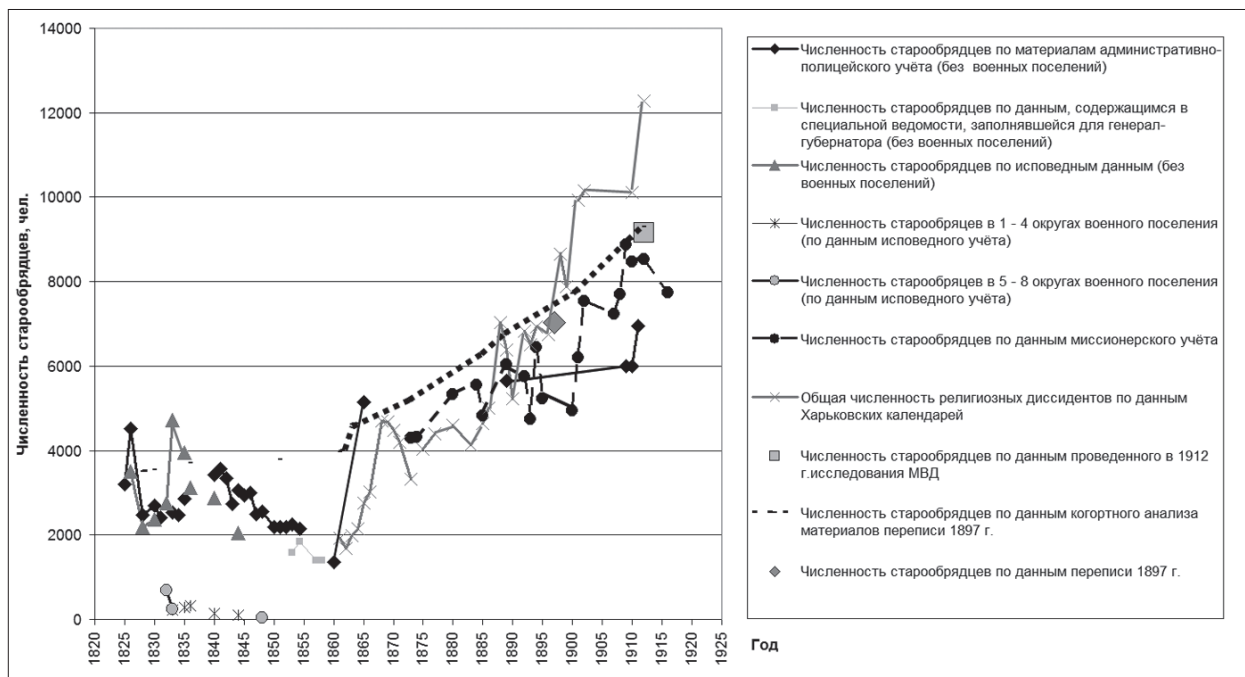

Рис. 15. Динамика численности старообрядцев Харьковской губернии по различным статистическим данным и результатам когортного анализа

В течение 1828–1836 гг. разница между результатами когортного анализа численности старообрядцев и данными официальной статистики (административно-полицейской и исповедной) постепенно уменьшалась. Это позволяет сделать вывод, что в указанный период часть тайных старообрядцев попала в материалы официального учета.

С середины 1830-х до начала 1860-х гг. разница между результатами когортного анализа и данными официальной статистики снова увеличивается (зафиксированный в административно-полицейских данных рост численности староверов с 1835 по 1841 г. вызван не увеличением численности «записных раскольников», а включением в их число единоверцев)⁶⁸. При этом полученная на основе когортного анализа информация позволяет сделать вывод, что общая численность староверов в это время продолжает расти (см. рис. 15). Итак, обусловленное усилением государственного давления на староверов уменьшение их официально указанной численности отражало не реальный и искренний переход больших масс староверов в РПЦ, а только формальные религиозные конверсии. При этом на реальную численность старообрядцев притеснения практически не влияли. Суммарная численность тайных и зарегистрированных староверов Харьковской губернии стабильно составляла примерно 0,28 % от всего населения региона и в абсолютных показателях медленно росла за счет естественного прироста (см. табл. 5, рис. 15). Менялось только соотношение тайных и открытых староверов.

В 1860-е гг. разрыв между данными официального учета старообрядцев и результатами когортного анализа быстро сокращается. Вследствие либерализации общественной жизни тайные старообрядцы начинают открыто исповедовать свою веру. Это подтверждается и сведениями из других источников, в частности, миссионерских отчетов второй половины XIX в.⁶⁹

В середине 1860-х гг. официальные полицейские данные о численности староверов даже несколько превысили результаты когортного анализа. Так, в 1865 г. в Харьковской губернии по данным когортного анализа насчитывалось 4706 староверов, а по сведениям полиции — 5151⁷⁰. При этом согласно данным когортного анализа доля старообрядцев в населении Харьковской губернии в течение 1860-х гг. не изменялась. Абсолютный рост количества староверов в 1860-е гг. был достаточно плавным. Резкое увеличение количества староверов в 1863 г., зафиксированное по данным когортного анализа, было вызвано не процессами в старообрядчестве, а с соответствующей динамикой официальных данных

о численности всех жителей Харьковской губернии. И так, в 1860-е гг. мы видим именно открытый переход тайных старообрядцев в свою веру. Что же касается реального роста численности староверов, то оно продолжалось в основном за счет естественного прироста.

По данным когортного анализа численность старообрядцев продолжала расти и на рубеже 1860–1870-х гг., когда материалы официальной статистики фиксировали уменьшение их количества. Если сравнить данные миссионеров и результаты когортного анализа, в которых отразился рост численности древлеправославных в период с середины 1870-х до начала 1900-х гг., можно увидеть, что миссионерские данные были лишь немного меньше результатов когортного анализа (см. рис. 15). Следовательно, в этот период численность тайных староверов на Харьковщине была незначительной.

Вызванный либерализацией государственного курса относительно религиозного инакомыслия рост численности зарегистрированных миссионерами старообрядцев с 1907 по 1909 г. привел к тому, что в 1909 г. миссионерские данные о численности староверов сравнялись с результатами когортного анализа, т. е. количество тайных староверов резко сократилось. Можно даже предположить, что оно приблизилось к нулю, однако столь радикальный вывод выглядит слишком смелым, ведь, как отмечалось, и перепись 1897 г. не дала полной картины распространения старообрядчества.

Учитывая отмеченные выше тенденции, трудно представить, что новое падение численности официально зарегистрированных старообрядцев с 1909 по 1916 г.⁷¹, вызванное ограниченными притеснениями «старой веры», имело место не только на бумаге. Очевидно, в ответ на определенное усиление репрессий количество официально зарегистрированных староверов падает, однако реальная численность старообрядцев продолжает расти темпами, которые можно примерно оценить по данным когортного анализа (см. рис. 15).

В целом, результаты когортного анализа позволяют сделать вывод, что численность тайных старообрядцев на Харьковщине была наибольшей во времена правления Николая I, когда усиление государственного давления заставляло староверов скрывать свою веру, а чиновников и священников РПЦ на местах — занижать данные о численности религиозных диссидентов, чтобы продемонстрировать свои успехи в борьбе с расколом⁷². Но даже в это время абсолютная численность тайных старообрядцев и их доля во всем старообрядческом населении региона была меньше, чем в центральных российских губерниях. Так, по дан-

ным полиции в Харьковской губернии в 1851 г. проживали 2707 старообрядцев⁷³, а по данным когортного анализа их насчитывалось 4613 (см. рис. 15). Таким образом, доля тайных староверов в Харьковском регионе в начале 1850-х гг. составляла 41 %. Это значительно меньше, чем в Нижегородской, Ярославской и Костромской губерниях (см. табл. 4).

Стоит также обратить внимание, что в центральных российских губерниях по данным переписи 1897 г. доля старообрядцев среди всего населения растет с увеличением возраста когорты (см. табл. 1–3). Скорей всего, это связано с тем, что с приближением старости люди чаще были готовы открыто заявлять о своей вере. Ведь пожилые люди, как правило, отличаются большей религиозностью⁷⁴. Кроме того, к старости члены старообрядческих объединений постепенно «выключались» из активной хозяйственной деятельности, проходившей вне семьи и общины. А именно такой деятельности могли существенно помешать правовые ограничения старообрядцев эпохи Николая I⁷⁵. Очевидно, молодые люди активно скрывали свою веру, в том числе и при ответах на вопросы переписчиков в 1897 г. А старики оказывались более категоричными, не желая отречься от веры (и имея больше возможностей для этого). В случае же с Харьковской губернией подобной тенденции не обнаруживается: доля староверов во всем населении практически не изменяется от когорты к когорте (см. табл. 5). Это значит, что масштаб сокрытия веры был примерно одинаков для староверов всех возрастных категорий. Поскольку, как было отмечено выше, на сокрытие веры шли прежде всего трудоспособные члены семьи (особенно — мужчины), отсутствие роста доли староверов среди населения губернии с возрастом также является свидетельством меньшего распространения практик сокрытия веры в регионе. Об этом же говорит и тот факт, что в отличие от центральных российских регионов, где среди зарегистрированных староверов преобладали женщины, в Харьковской губернии соотношение полов в старообрядческом населении не выходило за пределы демографической нормы⁷⁶.

Интерпретируя полученные результаты, можно предположить, что в связи с меньшим распространением «старой веры» в Харьковской губернии сознательные приуменьшения численности местных старообрядцев со стороны государственных чиновников и священников РПЦ были здесь не столь значительными, как в центральных регионах России. Ведь в губерниях, в которых реальная численность старообрядцев достигала десятков, а, возможно, и сотен тысяч, чиновники просто не могли не идти на сознательные фаль-

сификации. Подав реальное сведения, они шокировали бы вышестоящие инстанции масштабами распространения древлеправославия⁷⁷. На Харьковщине реальная распространенность старообрядчества была меньшей. Соответственно, меньше было и причин для сознательного приуменьшения их численности. Кроме того, периферийное положение Харьковского региона давало возможность старообрядцам и при открытом следовании своей вере избегать давления со стороны государственной власти. В пользу данного предположения свидетельствуют факты, позволяющие говорить о массовом распространении коррупционных связей местных чиновников со староверами⁷⁸. В центре страны они также имели место, однако там контроль за реализацией официального курса был поставлен несколько лучше, что заставляло староверов чаще скрывать свою веру.

Численность тайных старообрядцев по отдельным уездам в целом менялась в соответствии с общегубернскими тенденциями (см. рис. 16–20).

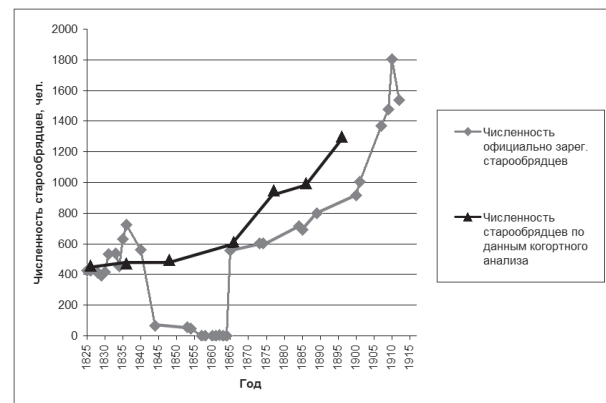

Рис. 16. Численность старообрядцев Харьковского уезда по данным официальной статистики и когортного анализа

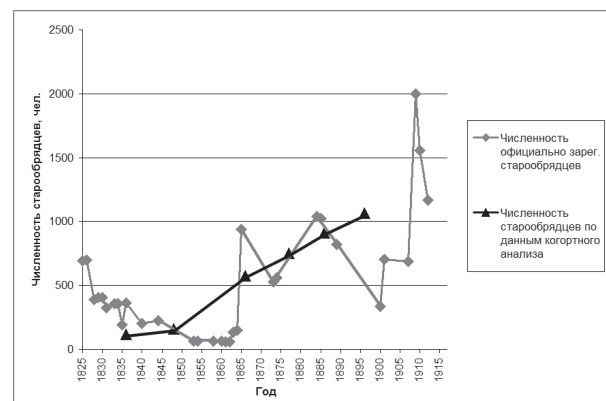

Рис. 17. Численность старообрядцев Купянского уезда по данным официальной статистики и когортного анализа

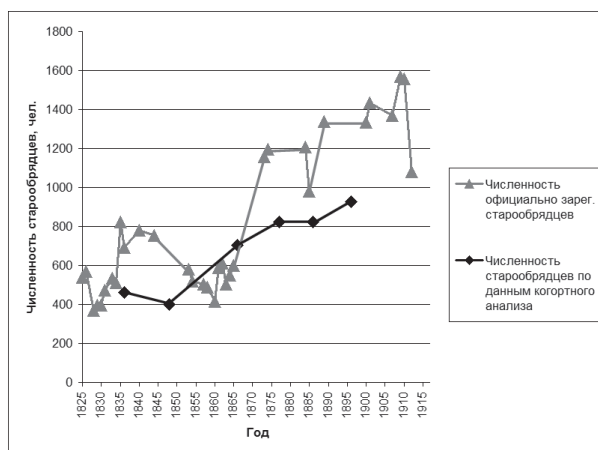

Рис. 18. Численность старообрядцев Змиевского уезда по данным официальной статистики и когортного анализа

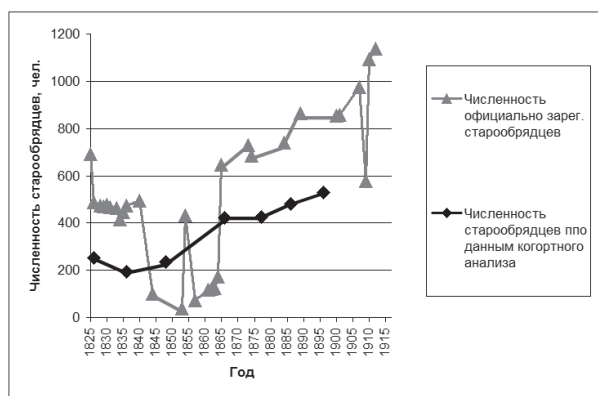

Рис. 19. Численность старообрядцев Старобельского уезда по данным официальной статистики и когортного анализа

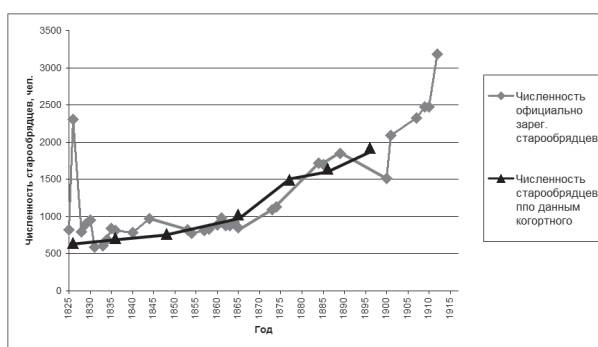

Рис. 20. Численность старообрядцев Волчанского уезда по данным официальной статистики и когортного анализа

Некоторые локальные особенности дают возможность еще более наглядно подчеркнуть выводы, сделанные на основе общегубернских данных. Так, в Волчанском уезде численность старообрядцев по данным официального учета и результатам ко-

гортного анализа почти не отличалась (см. рис. 20). Это дает основание сделать вывод, что количество тайных староверов было здесь минимальным. Вероятно, это связано с силой местного старообрядчества, наличием здесь активных и образованных наставников. Именно в Волчанском уезде действовали такие старообрядческие лидеры, как Филипп и Стефан Орловы, Прокофий Шевяков, Максим Алипов. Священники РПЦ и полицейские чиновники отмечали их образованность, авторитет, связи со старообрядцами других регионов⁷⁹. Вероятно, именно поэтому в Волчанском уезде падение численности староверов в 1840–1850-х гг. было незначительным. Даже в условиях жесткого давления времен Николая I старообрядчество уезда избежало массового отречения от веры, характерного для Харьковской губернии в целом.

Нехарактерное для всей губернии падение численности староверов по данным когортного анализа прослеживается в Старобельском уезде на рубеже 1820–1830-х гг., и в Змиевском уезде с 1836 по 1848 г. (рис. 18, 19). Таким образом, случаи реального перехода из старообрядчества в РПЦ имели место. Можно привести конкретные примеры такого перехода. «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» архиепископа Филарета (Гумилевского) содержит описание перехода в православие старообрядки Акилины Гончаровой под воздействием видения⁸⁰. Не касаясь вопроса о реальности и природе этого видения, отметим, что Акилина Гончарова была убеждена в реальности и божественном происхождении своего видения. Соответственно, для нее выход из «старой веры» был осознанным актом и обуславливался искренним убеждением. При этом если в масштабах губернии на статистическом уровне подобные примеры были почти не заметны, то на уровне уездов они видны.

Во второй половине XIX в. в Старобельском и Змиевском уездах количество старообрядцев по данным когортного анализа вообще было меньше, чем по данным официальной статистики (рис. 18, 19). Численность тайных староверов была там настолько незначительной, что данные официального учета оказались точнее, чем результаты когортного анализа материалов переписи 1897 г. В случае со Старобельским уездом это, скорее всего, было связано с тем, что крупнейшие старообрядческие общины окрестностей Старобельска (Богдановка, Лашинивка и Черниговка) появились в результате так называемой второй выгонки Ветки 1764 г., во время которой царскими войсками был уничтожен один из крупнейших старообрядческих центров того времени. Часть жителей Ветки была поселена на реке Койсуга, где и образовались староверческие общины названных выше слобод⁸¹. Ве-

роятно, вследствие централизованного поселения этих старообрядцев информация о них у чиновников была более точной. Возможно, подобные локальные факторы действовали и в случае с учетом староверов Змиевского уезда. Только в 1840-е — начале 1860-х гг. в результате массового формального отречения веры старообрядцев в Старобельском и Змиевском уездах появилась заметное количество тайных староверов. Но в 1860-х гг., после открытого возвращения тайных старообрядцев к вере предков, данные официальной статистики о количестве раскольников вновь превысили результаты когортного анализа. Что же касается Харьковского и Купянского уездов (см. рис. 16, 17), то в них изменения численности тайных старообрядцев происходили в соответствии с отмеченными выше общегубернскими тенденциями.

***

Таким образом, применявшиеся до сих пор методы оценки достоверности статистики старообрядчества Российской империи и её отдельных регионов в XIX — начале XX в. не давали возможность даже приблизительно решить данную задачу. В этих условиях полезным может быть использование регрессионного анализа, позволяющего сравнить материалы официальной статистики начала XX в. с данными советского учета староверов, а также когортного анализа материалов переписи 1897 г. Применение данных методов для проверки материалов официального учёта старообрядцев Харьковской губернии позволило сделать

вывод, что колебания государственной политики в отношении старообрядчества вызывали лишь изменение соотношения количества тайных и официально зарегистрированных староверов, а их общая численность все время росла (в процентном отношении оставаясь постоянной — 0,28–0,29% от всего населения региона). В Харьковской губернии масштабы сокрытия веры старообрядцами были меньшими, чем в центральной России, что объясняется сравнительно меньшим распространением старообрядчества в регионе и периферийным положением губернии, в результате чего контроль за выполнением жестких правительственных предписаний относительно «старой веры» здесь был слабее, чем в центральных регионах Российской империи. Это создавало особенно благоприятные условия для установления неформальных взаимоотношений между староверами и местными чиновниками, что, в свою очередь, нередко позволяло старообрядцам избегать репрессий и без сокрытия веры. Кроме того, сравнительно незначительное распространение «старой веры» на Харьковщине давало возможность чиновникам и священникам РПЦ не прибегать к сознательному утаиванию реальной численности староверов. Полученные результаты позволяют поставить под сомнение распространенную в историографии точку зрения о более чем десятикратном приращении численности старообрядцев в статистических материалах XIX — начала XX в. и подтвердить справедливость замечаний миссионеров РПЦ, которые считали реальные масштабы приращения численности староверов не столь серьезными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пругавин А. С. Два или же двадцать миллионов? // Старообрядчество во второй половине XIX в.: Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904. С. 7–59.
- ² Paert I. “Two or twenty million?” The languages of official statistics and religious dissent in imperial Russia // *Ab Imperio*. 2006. № 3. Pp. 75–98.
- ³ Ibid. P. 77.
- ⁴ См. подробнее: Єремеев П. В. Приховування віри старообрядцями Харківської губернії як повсякденна практика в XIX — на початку XX ст. // Доля старообрядництва в XX — на початку XXI ст.: історія і сучасність: збірник наукових праць та матеріалів / відповід. ред. та упорядник С. В. Таранець. Київ, 2013. Вип. 6. С. 139–151.
- ⁵ Шахназаров О. Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 89.
- ⁶ Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М., 2013. С. 5–9, 34–35, 627–645.
- ⁷ Дьячков В. Л., Канищев В. В. Послание Б. Н. Миронову о сущности работы отдельных провинциальных историков, или Ответ ученому соседу // *Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер»*. Москва ; Барнаул, 2005. С. 548.
- ⁸ Мельников П. И. Счисление раскольников // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского). 2-е изд. СПб., 1909. Т. 7. С. 392–409.
- ⁹ Миронов Б. Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991.

- ¹⁰ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 40. Оп. 15. Д. 2265. Л. 5–6.
- ¹¹ Собрание постановлений по части раскола. Т. 1: Постановления Министерства внутренних дел. Лондон, 1863. С. 68–69.
- ¹² Варадинов Н. В. История Министерства Внутренних Дел. СПб., 1863. Кн. 8. С. 428.
- ¹³ ГАХО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 235. Л. 81.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 4. Л. 113.
- ¹⁵ Таранець С. В. Джерела з історії старообрядництва Правобережної України кінця XVIII — початку ХХ ст. Київ, 2007. С. 60.
- ¹⁶ ГАХО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 235. Л. 56–57.
- ¹⁷ ГАХО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 33. Л. 67–69; ГАХО. Ф. 40. Оп. 41. Д. 47. Лл. 1–27.
- ¹⁸ Посчитано по: Харьковский календарь на 1886 год. Харьков, 1885. С. 241.
- ¹⁹ Посчитано по: Харьковский календарь на 1894 год. Харьков, 1894. С. 219.
- ²⁰ Посчитано по: Харьковский календарь на 1895 год. Харьков, 1895. С. 82.
- ²¹ ГАХО. Ф. 3. Оп. 253. Д. 163. Лл. 452–453; ГАХО. Ф. 40. Оп. 61. Д. 624. Л. 2.
- ²² Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 46. Харьковская губерния. СПб., 1904. С. 286–297; Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам: Составлено Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по данным первой всеобщей переписи 1897 г., записанным на основании личных показаний опрошенных лиц. СПб., 1901. С. 6–7.
- ²³ Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.). М., 1912. 25 с.
- ²⁴ Мельников П. И. Указ. соч. С. 397.
- ²⁵ Там же. С. 400.
- ²⁶ Там же. С. 406–407.
- ²⁷ Там же. С. 400.
- ²⁸ Предписание министра внутренних дел генерал-адъютанта Бибикова статскому советнику Синицыну // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Вып. 4. Лондон, 1862. С. 55–58.
- ²⁹ Мельников П. И. Указ. соч. С. 404–405.
- ³⁰ Липранди И. П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении // Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Вып. 2. Лондон, 1861. С. 146–147; Мельников П. И. Указ. соч. С. 400.
- ³¹ Юзов И. И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб., 1881. С. 46.
- ³² Пругавин А. С. Указ. соч. С. 11.
- ³³ Бонч-Бруевич В. Д. Раскол и сектантство в России (доклад второму очередному съезду РСДРП) // Избранные сочинения. Т. 1: О религии, религиозном сектантстве и церкви. М., 1959. С. 175.
- ³⁴ См. подробнее: Еремеев П. В. Исследования численности старообрядческого населения Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. // Харківський історіографічний збірник. 2013. Вип. 12. С. 56–71.
- ³⁵ Ивановский Н. И. О численности раскольников // Православный собеседник. 1867. Ч. 2. С. 257–302; Васильевский М. Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914. С. 45; Павел (Леднев), игумен. О числе раскольников в Российской империи // Братское слово. 1876. Кн. 3. С. 199–213; Мнение покойного Платона, архиепископа Костромского, о предложениях Комиссии для всестороннего обсуждения и разработки Высочайше утверждённых 16 августа 1884 года предначертаний Особого временного комитета по делам о раскольниках // Странник. 1894. Февраль. С. 305–318.
- ³⁶ Мельников П. И. Указ. соч. С. 406.
- ³⁷ Павел (Леднев), игумен. Указ. соч. С. 199–213.
- ³⁸ Там же. С. 212.
- ³⁹ Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Калинин, 1971. Ч. 2. С. 120–121.
- ⁴⁰ Миронов Б. Н. Указ. соч.; Чибисов М. Е. Исповедные росписи как источник для изучения сословно-профессионального состава населения православных приходов [Электронный ресурс]. URL: <http://occupations.asu.ru/publications/chibisov-bulygin5.pdf>.
- ⁴¹ Таранец С. В. Старообрядчество Российской империи (конец XVII — начало XX вв.). Київ, 2012. Т. 1. С. 216; Макаров И. Ю. Статистика старообрядчества и сектантства в Российской империи в XIX в. // Старообрядчество: История, традиции, современность. М., 1996. С. 60–62.

- ⁴² Paert I. Op. cit. P. 77.
- ⁴³ Юркин И. Н. Проблемы статистики городского старообрядчества XVIII в.: значение, трудности, возможные пути их преодоления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.starover.religare.ru/article7533.html>.
- ⁴⁴ Таранец С. В. Указ. соч. С. 88.
- ⁴⁵ Baidin V. I., Soboleva L. S. Between the Vyatka and Volga in the West, Ishim and Irtysh in the East: The History and Present Position of the Old Believers of the Russian North // "Silent as Waters we Live": Old Believers in Russia and Abroad: Cultural Encounter with the Finno-Ugrians / Ed. by Yuha Pentikainen: Studia Fenica. Folcloristica 6. Helsinki, 2000. P. 29–30.
- ⁴⁶ ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 411. Л. 20
- ⁴⁷ ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 961. Л. 8–13.
- ⁴⁸ Там же. Л. 51–53.
- ⁴⁹ ГАХО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 2404. Л. 69.
- ⁵⁰ ГАХО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 2404. Л. 22.
- ⁵¹ ГАХО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 2404. Л. 69.
- ⁵² ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 408. Л. 14–15.
- ⁵³ Лялин В. С. Статистика: теория и практика в Excel : учеб. пособие. М., 2010. С. 249–263; Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 65–72.
- ⁵⁴ Законодавство про релігійні культу. Київ, 1997. С.113.
- ⁵⁵ ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 961. Лл. 8–13, 51–53.
- ⁵⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 46: Харьковская губерния. С. 286–297.
- ⁵⁷ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 73–87.
- ⁵⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 46: Харьковская губерния. С. 286–297.
- ⁵⁹ Потоцкий В. П. Очерк истории старообрядчества Харьковской губернии // Липоване: история и культура русских старообрядцев. 2008. Вып. 5. С. 83–84.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ См., напр.: Памятная книжка Харьковской губернии на 1864 год. Харьков, 1864. С. 128–129, 220–224; Памятная книжка Харьковской губернии на 1865 год. Харьков, 1865. С. 151–157.
- ⁶² Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. С. 6–7; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 46: Харьковская губерния. С. 286–297.
- ⁶³ Пругавин А. С. Указ. соч. С. 7–59.
- ⁶⁴ Darrow D. Census as a technology of empire // *Ab Imperio*. 2002. № 4. P. 171.
- ⁶⁵ Ibid. P. 170.
- ⁶⁶ Иванов К. Ю. Проблемы учета старообрядцев на территории Кузбаса [Электронный ресурс]. URL: <http://konstan-ivanov.narod.ru/Articles1997-2.html>.
- ⁶⁷ Павел (Леднев), игумен. Указ. соч. С. 201–202.
- ⁶⁸ Еремеев П. В. Старообрядческие толки и согласия на Харьковщине в 1825–1855 гг.: численность и локализация (по материалам Канцелярии харьковского губернатора) // Липоване: история и культура русских старообрядцев. 2011. Вып. 8. С. 15–18.
- ⁶⁹ ГАХО. Ф. 3. Оп. 253. Д. 163. Л. 47–48; ГАХО. Ф. 3. Оп. 257. Д. 197. Л. 39–40.
- ⁷⁰ ГАХО. Ф. 3. Оп. 221. Д. 176. Л. 155–156.
- ⁷¹ Потоцкий В. П. Указ. соч. С. 86–88.
- ⁷² Мельников П. И. Указ. соч. С. 393.
- ⁷³ ГАХО. Ф. 3. Оп. 166. Д. 2. Л. 65–68.
- ⁷⁴ Белорусов С. А. Психология духовности, веры и религии // Журнал практического психолога. 1998. № 6. С. 21–43.
- ⁷⁵ Водолазко Н. Н. Старообрядчество в царствование Николая I (по материалам Собрания постановлений по части раскола 1858 г.) // Старообрядчество: история, культура, современность: тезисы. М., 1998. С. 33–36.
- ⁷⁶ Еремеев П. В. «Раскол бабами держится»: специфика половозрастной структуры старообрядческого населения Харьковской губернии (1825–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 27–35.
- ⁷⁷ Мельников П. И. Указ. соч. С. 393.

-
- ⁷⁸ Обченко А. Н. Взаимодействие старообрядцев и государственной власти Российской империи (на основе материалов Змиевского уезда Харьковской губернии середины XIX в.) // Липоване. 2010. Вып. 7. С. 47.
- ⁷⁹ ГАХО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 201. Л. 49; ГАХО. Ф. 40. Оп. 71. Д. 2087. Л. 5; ГАХО. Ф. 40. Оп. 81. Д. 208. Л. 36–39; ГАХО. Ф. 40. Оп. 97. Д. 1051. Л. 18.
- ⁸⁰ Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 2006. Т. 3. С. 158.
- ⁸¹ Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т. 2. Харьков, 2005. С. 409–410.
-